Сергей Демченков

ОСТРОВА ОМСКА

Демченков С.А. Острова Омска. – Омск, 2017. – 121 с.

Эта книга собрана из заметок и фотографий, опубликованных автором в личном блоге на сайте http://demch.me/ с лета 2015 по лето 2017 гг.

Произведение «Острова Омска» созданное автором по имени Сергей Демченков, публикуется на условиях лицензии Creative Commons «Attribution-ShareAlike» («Атрибуция — На тех же условиях») 4.0 Всемирная.
Разрешения, выходящие за рамки данной лицензии, могут быть доступны на странице http://demch.me/.
Переводя с юридического на человеческий: распространяется под свободной лицензией. Вы можете делать с этой книгой в целом и с отдельными включёнными в неё текстами и фотографиями всё, что вам в голову придёт – не забывайте только указывать авторство и распространять её и любые материалы, созданные на её основе (ежели таковые будут) на условиях означенной лицензии.

О ЧЁМ ЭТА КНИГА?

Примерно два года назад я сделался обладателем собственного сайта. Не потому, что это мне было зачем-то нужно, а потому, что всегда хотелось – как в детстве безумно хотелось заполучить игрушечную железную дорогу.

Железной дорогой я так и не обзавёлся, а вот сайт завёл.

Но какой смысл покупать вожделенную игрушку, чтобы на следующий же день засунуть её в пыльный чулан? Если уж есть сайт – то надо с ним играть :)

Так я и начал регулярно постить в Сети разные заметки, которые писал обычно в маршрутке по дороге на работу и с работы. Одним словом, как и положено всем прогрессивным постмиллениалам (пусть, увы, и не по возрасту – но по духу!), *заделался* блогером.

За два года – если отбросить всё слишком сиюминутное и всё сварганенное левой рукой на левой коленке – набралась целая книга. Та самая, которую вы и видите перед собой.

Здесь есть самые разные тексты – и по стилю, и по содержанию. Забавные, язвительные, философичные, лирические. Про нашу жизнь и про анекдотические случаи из нашей жизни, про наш (прости, господи!) национальный характер, про наш (великий и могучий) русский язык, про характер и ментальность других народов, про искусство, про смерть.

Чтобы вам не было скучно (ибо многабукафф), я повставлял в книгу разные занятные фотографии, сделанные мною как в Омске, так и за его пределами. Прямого отношения к тексту они не имеют, так что можете особого внимания на них не обращать. Хотя… ;)

И ещё – вопреки строгим требованиям научного стиля – мне всегда хотелось написать книгу, название которой совпадало бы с названием одного из её разделов, которое, в свою очередь, совпадало бы с названием одной из включённых в этот раздел глав.

Возможно, именно это и стало главной побудительной причиной?..

;)

ОСТРОВА ОМСКА

О ЧЁМ ЭТА КНИГА? **3**

1. ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ И РЕВОЛЮЦИЯ **6**
Советское детство 6
I'm sorry for our president 7
О демократии (этюд первый) 8
О демократии (этюд второй) 10
Плебейство 12
Шершавые лапищи патриотизма 14
Принципиальность 17
Аэропорт Анапы: возвращение в советское детство 17
Отшельник отчаяния 19

2. ЗЕРКАЛО КОРРУПЦИИ **21**
Зеркало первое – кривое 21
Зеркало второе – чемоданное 22
Зеркало третье – карманное 24

3. MARE INTERNUM **26**
Анатолийская земля 26
Мы, славяне… 29
Hür или не hür? 31
Россия — цивилизованная страна? 34
Mediterrian Language 36
Греция vs. Эллада 38
Рыбная таверна «Христос» 40
Почти Евросоюз 40
Улица Красно-зелёных 43

4. ПОЛИЦИЯ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ НРАВОВ **49**
Влапунал 49
Эстетика спама 50
Хочу говорить правильно! 51
Мета-адамизм 52
Пушкин матерится 54
Он сидит в «Одноклассниках» целыми днями 55
Паратлет 56
Кошерная соль 58
Мяско 59
Феномен Аэлиты 61
Куриные мозги 62
Мутное зеркало языка 64

5. ПОЭТИКА АБСУРДА **65**
Хорошее пророчество 65
Метафизические габариты 66
Бардак 68
Гимн фантазии 68
За что же схлопотала чернокожая Маруся? 69
Формула права 70
Хрущёвка 73
Памятник мерзости 74
Второй народ Омска 75
Абсурд как базовый принцип 77
Тёмные озарения 78
Капитан Лебядкин как дедушка русского авангарда 80
Твой терпкий запах от Шанель 83
Общество верящих в плоскую землю 84
Филологическая комедия 86
Филологическая шпилька 88

Двухфакторная аутентификация китайского мандарина ... 89
Интернет и забор ... 91
Реклама vs PR и урбанистическая метафора ... 92

6. Житейские анекдоты ... 95
Жидуха ... 95
Полный песец ... 96
Разрыв шаблона ... 96
Хотелось бы в это верить! ... 97
Какие ж это девушки??? ... 98
Привычка к чтению ... 99
Мы не вместе — мы просто вместе приехали! ... 100
Прикладная клизматология ... 100
Санаторный роман ... 101
Разбойничья школа ... 102
Факультет СМИ ... 103
Греческо-русский словарь ... 104
Супружеский комплимент ... 105

7. Острова Омска ... 107
Сны машин ... 107
Белой акации гроздья душистые ... 107
Шаги ушедших ... 108
Девушки пишут первыми ... 108
Гроб в аренду ... 109
Смерть отменяется! ... 110
Конец отеля ... 112
Я как творец мироздания ... 113
Немного о счастье ... 114
Пляшущие пчёлы ... 115
Фродо повесится ... 116
Мимесис ... 116
Нашатырь ... 117
Сила оживлять ... 118
Сократ рыдает ... 119
Уезжать из этого грёбаного Омска к чёртовой матери! ... 120
Острова Омска ... 120

1. *ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ И РЕВОЛЮЦИЯ*

Это не про политику. Но близко к ней. Так что если вы политически зависимая личность на досуге тоннами постите язвительные комменты в «Фейсбуке», изобличая либералов или консерваторов (неважно!), вам это лучше не читать, чтобы не расстраиваться. Или наоборот – читать, чтобы иметь возможность обругать меня за мою вопиющую политическую дремучесть…

Советское детство

Недавно прочитал статью, в которой автор сурово осуждает людей, гордящихся своим советским детством. Как человек неглупый, он признаёт: конечно, главное не материальный достаток, главное — какие люди окружали тебя в эти годы.

Однако — уверен он — это ещё не повод с приязнью вспоминать окружавшие тебя бедность и убожество.

В этой связи расскажу одну историю.

Моя мама родилась в марте 1941 года. Ее детство началось с того, что просвещённый европейский летчик, садистски нарезая круги, расстреливал из пулемёта женщину, бежавшую по полю с грудным ребенком на руках. Если бы моя бабушка не догадалась упасть и притвориться мёртвой, вероятно, этим бы всё и закончилось.

После войны дедушка с бабушкой вернулись в родной город, который оказался практически стёрт с лица земли.

Жить было негде. Сначала ютились в землянке — двое взрослых и пятеро детей. Потом дедушка построил дом. Инвалиду с одной ногой это было нелегко. Первые годы жили в страшной нищете. Спали на полу: кровати оставались недосягаемым предметом роскоши. Такие продукты, как мясо, сметана или масло, бывали на столе (в весьма умеренном количестве) разве что по очень большим праздникам. Основным (и очень часто — единственным) блюдом долгое время оставалась печёная редька. Чтобы её не так тоскливо было есть, дети перед запеканием нарезали её фигурками и фестончиками. Казалось, что от этого вкус улучшался :)

Их детство прошло без печенья и без конфет. Вместо конфет они летом ели цветки клевера на лугах. Их детство прошло без игрушек: они играли тряпочками,

ветками и прочими подручными безделицами. Одежду и обувь младшие донашивали за старшими, было её по одному скудному комплекту на каждого, и то не всегда.

В начале пятидесятых страшная нищета сменилась нестрашной. Потом — просто большой бедностью.

Моя мама никогда не стыдилась своего детства и всякий раз с теплотой вспоминала о нём.

Детство, в отличие от взрослой жизни, нельзя разъять на части: вот это я возьму, а это с брезгливостью и негодованием отброшу. Либо ты принимаешь его целиком, со всем, что в нем было плохого и хорошего, либо не принимаешь ничего. Мне странны люди, которые отрекаются от своего детства, потому что оно было недостаточно изобильным и комфортным. И вдвойне странны те, кто призывает к этому других.

I'm sorry for our president

Вспомнилось вчера про россиянку, которая, возвращаясь после обострения украинского конфликта на родину из Франции, вложила в загранпаспорт записку: «Я извиняюсь за нашего президента. Я не голосовала за него».

Как символический жест это забавно (вне зависимости от того, было ли оно на самом деле и, если да, то из каких побуждений делалось). Более того, это мощно.

Возможно, именно так и надо бороться с политическим абсурдом — вышибая его клином иронии.

Я не верю в способность «праведного гнева» что-то изменить к лучшему. Способность же приводить на смену прежним ужасам другие, несравненно более жестокие и кровавые, он подтверждал неоднократно.

Но мне этот перформанс запомнился, главным образом, потому, что в нём — вся ирреально-возвышенная альфа и вся гротескно-нелепая омега российской интеллигенции в двух крошечных предложениях.

Альфа — в немыслимо обострённой совестливости, которая не столь щепетильным европейцам неминуемо покажется фальшивой, в этой жертвенной отзывчивости, неспособности пройти мимо чужой, никак не затрагивающей тебя

лично беды, в извечной готовности выступать защитником всех униженных и оскорблённых.

Одна половина омеги (комическая) — в жестоком комплексе евронеполноценности. Только российский интеллигент, стоя в очереди перед стойкой французского таможенника, в состоянии помыслить: «Вся просвещённая Европа укоризненно смотрит на меня его проницательными глазами» — и начать извиняться перед случайным гражданином Франции за российскую политику по украинскому вопросу.

Другая половина омеги (трагическая) неразрывно связана с первой. Это чувство глубокой отъединённости от своей страны и своего народа, вкупе с пилатовским умыванием рук и упрямым нежеланием разделять со своими согражданами всеобщую, коллективную вину, осмысление её как чужеродной, ошибочно приписанной. И в то же время — неспособность от этой, вроде бы и не своей, вины избавиться, отмахнуться от неё, как от заведомого подлога.
И здесь альфа и омега сходятся, замыкая порочный круг…

О демократии (этюд первый)

Это произошло в самом начале девяностых, в разгар всеобщего опьянения свободой, когда, впрочем, даже те, кому хмель вольности сильнее всего ударил в голову, стали ощущать неуклонно нарастающий разлад между мечтой и действительностью.

Я тогда сотрудничал с омской молодёжной газетой «Мальчишки, девчонки». И вот однажды, «по редакционному заданию», вдвойне мандражируя — как от природной застенчивости, так и от навалившегося на мои плечи непомерного груза ответственности — я отправился освещать прибытие в город, ни много, ни мало — самого наследника российского престола.

Замечу сразу, что наследник (потомок кого-то из эмигрировавших в революционные годы Романовых) оказался довольно милым мальчуганом, чью природную непосредственность не могло свести на нет даже строгое «царственное» воспитание.

Потерянно слоняясь по аэропорту в ожидании высоких гостей, я наткнулся на группу казаков, по-видимому, составлявших официальную приветственную делегацию. «Монархист?!» — «прозревая» орлиным оком до самых глубин моей души, вопросил туго затянутый в форму пожилой «есаул» и, не дожидаясь ответа, буквально-таки вложил мне в руки фотографию какого-то отменно бородатого великого князя.

Надо сказать, что бо́льшую ошибку, чем причислить меня к убеждённым царепоклонникам, седовласый казак едва ли мог совершить — разве что записав меня в ряды верных ленинцев. В те годы я был убеждён, что нет, не было и не будет на земле лучшей власти, — ну, в общем, вы поняли... Демократом я был отчаянным! :)

Опешив от неожиданного натиска, я ещё некоторое время помыкался с портретом, прежде чем догадался вернуть его по назначению — в надёжные монархические руки.

Впрочем, с годами я вынужден был признать, что козацкий «орёл» оказался не таким уж бездарным чтецом человеческих душ, как подумалось мне при нашей встрече.

В последнее время я всё больше склоняюсь к мысли, что самой близкой к идеалу формой общественного устройства является просвещённый абсолютизм. Проблема только с эпитетом. Абсолютизм учинить легко. Просвещённый — практически невозможно, оттого и исторические прецеденты как-то не приходят на ум. А главное, совершенно невозможно сохранить его в этом качестве, так что с огромной вероятностью следующий же — непросвещённый — монарх, радея о благе отечества, старательно изничтожит все достижения предыдущего.

Демократия — это недурная страховка от чрезмерного волюнтаризма правителей. Впрочем, увлёкшись программированием (да и попутно повзрослев и набравшись ума-разума), я стал лучше понимать природу демократии.

Как и все решения, нацеленные на безопасность, демократия неэффективна — и в плане адекватности принимаемых решений, и в плане расходования ресурсов. Она регулярно «подтормаживает» и даёт сбои даже на самых простых задачах, её «код» непомерно раздут и неэлегантен. А главное, как и другие «секьюрити-инструменты», она содержит многочисленные «дыры» и недокументированные возможности, а потому не так уж надёжно защищает нас от всего того, от чего призвана защищать.

Взломы демократии (большие и малые) — столь же рутинное явление, как взломы компьютерных программ.

Мне кажется, очень важно сознавать, что демократия как таковая не есть благо. Это наименьшее из всех возможных зол — но всё-таки зло.

В следующем этюде порассуждаем о принципах принятия демократических решений.

О демократии (этюд второй)

Году эдак в 2011 проводились очередные выборы в госдуму. Как водится, добрая половина рекламных щитов в городе была выкуплена местными партийными

штабами. И пары сотен метров нельзя было пройти, не зацепившись взглядом за очередную предвыборную агитку.

Незадолго до дня голосования встретились в подъезде три соседа: чиновник из мэрии, таксист и преподаватель (то есть я). Все трое — где-то между тридцатью и сорока — сравнительно молодые и (в разумных пределах) социально активные.

Вначале разговор зашёл о делах своих, подъездных. Вскоре, однако, таксист не удержался и перевёл его в политическую плоскость.

– Тут выборы скоро. Народу много выдвигается. За кого голосовать, чтобы не лохануться? — допытывался он у чиновника как у человека политически искушённого. — Такой-то [фамилия депутата-единоросса] — он что?

В ответ чиновник делал мину глубокомысленную и загадочную, отчего сразу становилось понятно: это мужик что надо.

– А вот там ещё баба какая-то висит? Она как? — продолжал допытываться таксист, подразумевая охранительницу семейных ценностей Елену Мизулину.

В ответ чиновник делал мину разочрованную и пренебрежительную, отчего сразу становилось понятно: не-е-е, баба — это не вариант!

Таксист, признавая силу неопровержимых аргументов, глубокомысленно кивал головой: точно! не вариант!

Таков, в общих чертах, демократический механизм принятия решений. Детали могут различаться, но суть неизменно одна и та же.

Главная проблема демократии в том, что решающий выбор делает мой сосед таксист, который, скажем так, не всегда владеет ситуацией (а зачастую не очень может, да и не очень хочет ею овладеть). За правым его плечом стоит-нашёптывает мой сосед чиновник. За радикально левым — свободомыслящая интеллигенция (тогда — в моём лице — она по большей части слушала — ну и правильно делала; вообще же такое поведение ей не свойственно).

И вы действительно верите, что такой способ управления способен дать идеальный результат?

Плебейство

Недавно ознакомился с любопытной научно-популярной статьёй. Позволю себе привести обширную цитату:

> *«В язык россиян возвращаются слова-маркеры бедности. Какими бы успешными, патриотичными и сытыми ни изображала граждан пропаганда, как бы сами граждане ни верили в свое величие, есть один предатель, который выдает с потрохами их истинное неблагополучие. Это язык. Сегодняшний язык россиян говорит нам, что люди стали жить плохо. … Возьмем для начала слово «лакомиться». Его употребляют люди, ограничивающие себя в тратах на еду. … К сожалению, людей, которые любят «лакомиться», в России стало больше. Слово это почти исчезло из массового употребления лет на десять. Это ужасно. Еще ужаснее то, что теперь россияне считаю лакомством: творог, мясо, фрукты, рыбу, конфеты… Другое слово из этого ряда — «баловать». «Иногда балую себя творожком» — рассказывает журналистам провинциальная учительница, еле сводящая концы с концами. «Яблочки покупаю только с получки — побаловать детей» — делится другая учительница … Еще один маркер — те самые «творожок» и «яблочко». Уменьшительные формы, применяемые к продуктам, выдают подобострастное к ним отношение. А подобострастие к творогу или яблокам возникает только у людей недоедающих, причем, недоедающих здесь и сейчас. … Ни в какой блокадной или военной мемуаристике вы не встретите повального употребления уменьшительных форм слов «хлеб», «молоко», «каша»»* (http://rufabula.com/)

Наука отличается от пропаганды тем, что любая теория обосновывается анализом фактов. Если факты, напротив, насильственно подгоняются под дорогую для автора идею — это не научное исследование, а пропагандистская агитка.

Я очень ценю выпускников Высших Пропагандистских Курсов (неважно, к какому лагерю они прибились) и с удовольствуем читаю написанные ими забористые материалы.

При всём том хотелось бы заметить:

1. Коллеги, ваша учебная программа несколько устарела. Так, например, уже давно пора исключить из неё мифологему Нищей Учительницы Из Глубинки. Я понимаю, что у состоятельных москвичей, имеющих о провинциальных учительницах в основном теоретическое представление, образ угнетённой педагогини, покупающей творог исключительно по Большим Праздникам (вроде Дня Независимости России), по-прежнему способен вызвать сострадательную слезу.

Однако я, ввиду особенностей своего местообитания и профессиональной деятельности знаком с провинциальными учительницами не понаслышке и могу ответственно заявить: за последние лет пять материальное положение учителей заметно изменилось к лучшему. Сегодня учитель со стажем, который хочет и умеет работать, способен зарабатывать вполне достойные по меркам Омска деньги. Да, молодые специалисты по-прежнему получают зарплату, позволяющую только худо-бедно сводить концы с концами, и это проблема. Но в целом ситуацию не сравнить с началом двухтысячных, не говоря уже о девяностых.

2. В девяностые годы мы, конечно, жили сыто и привольно. Все до отвала набивали брюхо редкими деликатесами, ездили на модные курорты и одевались от дорогих кутюрье.

В начале двухтысячных обстановка резко ухудшилась, но на жизнь и бутербродик с чёрной икрой по выходным ещё хватало.

А вот сейчас, в 2015-м, — да, полная гуманитарная катастрофа. Население массово недоедает, скоро наступит Голод.

Проще говоря: уважаемые выпускники, реалистическая доминанта в искусстве, конечно, давным-давно не в тренде, но в политическом обольщении её никто не упразднял: художественный вымысел здесь обязан быть достоверным, иначе у обольщаемых возникают когнитивные диссонансы, что чревато подрывом доверия.

И главное.

3. Господа выпускники, ну в каком дурацком учебном пособии вы начитались, что подобострастное отношение к еде — это «маркер бедности»? Подобострастное отношение к еде — это признак плебейского сознания. И только так! Если некто имеет привычку «кушать творожок» и «баловать себя яблочками», это ровным счётом ничего не говорит об экономическом положении в стране и очень многое — о психологии конкретного индивида. Нормальному, просвещённому, обладающему чувством собственного достоинства человеку такие «маркеры» попросту не лягут на язык (разве что в сугубо ироническом смысле) — живёт ли он в блокадном Ленинграде или в разорённой России начала 90-х.

А вот почему у нас в последние годы из людей так попёрло плебейство и какие общественные процессы тому виной — это очень хороший вопрос!

И вот об этом бы как раз стоило вдумчиво порассуждать.

А не об униженных и оскорблённых провинциальных агит-учительницах, хронически недоедающих творожку.

Шершавые лапищи патриотизма

Вчера прочитал интервью с одним умным человеком. Вначале речь шла о проблемах высшего филологического образования в России. Потом, видимо, чтобы придать беседе огоньку, журналист решительно направил её в политическое русло. Один из заданных им вопросов был такой:

> *«Не кажется ли вам, что понятие родины в России несколько преувеличено? Об этом говорит, в частности, повсеместное написание этого слова с заглавной буквы, равно как и регалий чиновников: «Мэр», «Губернатор», «Президент»».*

Ответ привожу не полностью — лишь самое существенное:

> *«Мне кажется, что тут есть всё время какая-то подмена, когда этими заглавными буквами, пафосом, громкими словами замещают то, что вообще-то должно быть очень интимным. У человека всегда есть отношения с миром, в котором он живёт, с улицей, по которой он ходит. Но есть люди, у которых его нет, — и это прекрасные люди…».*

Что вопрос, построенный на игре смежными, но не родственными понятиями, что ответ — слишком уж однобокий, и поверхностный в своей однобокости — меня не удовлетворил.

Если бы мне пришлось отвечать на этот вопрос, я бы, пожалуй, ответил на него так:

Прежде всего, не будем смешивать понятия «родина» и «государство». Заглавные буквы в названиях чиновничьих должностей и чиновных учреждений — не от первого, а от второго. «Родина» — категория ментальная. Это то общее в образе мыслей, обычаях, языке, культуре, что нас объединяет, делает нас одним народом.

«Государство» — категория вещественная. Это те законы, те социальные, политические и бюрократические институции, те конкретные люди на конкретных должностях, благодаря которым невещественные отношения, называемые нами «родиной», обретают плоть и кровь, опредмечиваются в вещественной реальности.

Связь между родиной и государством сродни связи между душой и телом. Нет ничего печальнее скитаний бесплотного духа (вспомним трагедию еврейского народа), и очень сильна должна быть у такой души воля к жизни, чтобы, лишившись телесной оболочки, не раствориться в пустоте. И нет ничего отвратительнее зрелища, когда жизнь души целиком подчинена потребностям тела: это развращает и уродует душу.

Неправильно сводить понятие родины к интимным отношениям человека с окружающим его пространством — улицей, городом, миром. Родина — это отношения человека с другими людьми, составляющими народ, к которому он принадлежит.

Пространство, в котором он обитает, может быть для него дорогим, милым, родным, но к родине оно не имеет никакого отношения. Любовь к родине — не то же, что любовь человека к человеку. Последняя всегда интимна. Любовь к родине — интимна и всеобща одновременно. Если в ней остаётся что-то одно — интимное или всеобщее — такая любовь недорого стоит.

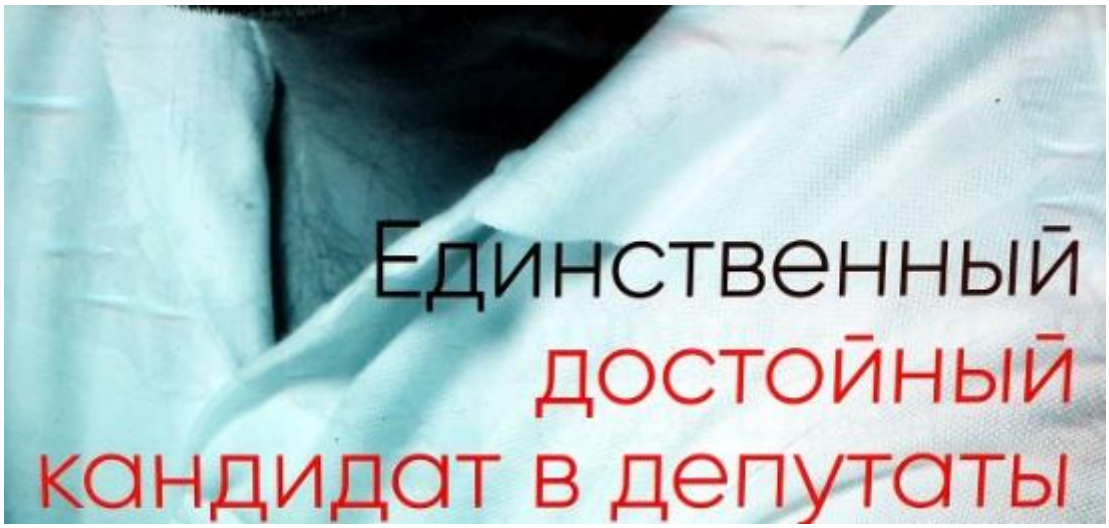
Есть люди, у которых слово «патриотический», а тем более сочетание слов «патриотическое воспитание» вызывает рвотный рефлекс. Не буду кривить душой: меня от них тоже слегка подташнивает :) — главным образом, потому, что патриотическое воспитание у нас обычно принимает формы махровой казёнщины, когда в деликатную сферу интимного безжалостно и бестолково лезут шершавыми чиновничьими лапищами.

Разграничить в любви к родине интимное и всеобщее непросто; здесь надо действовать с великим тактом и большим умом. Но если мы привыкли делать что-то из рук вон плохо, это не значит, что оно плохо по определению и что его не надо делать вообще.

Патриотизм — странное растение. Оно может самосейкой взойти в диком поле. Может вымахать так жутко и непролазно, никому жизни не станет. А может и пожухнуть на корню без всяких видимых причин. Но чтобы оно принесло добрые плоды, за ним нужен добрый уход.

От добрых же плодов и польза велика.

И тошнить от них никого не станет.



Принципиальность

Я ценю бескомпромиссно-принципиальных людей. Наблюдать за ними бывает занятно. Особенно сильное впечатление производит, когда две несгибаемые принципиальности с металлическим скрежетом и визгом находят одна на другую, как коса на камень.

Неподалёку от меня живут два дворника. Первый из них чистит тротуар строго до границ своего участка. Второй блюдёт границу не менее щепетильно, чем первый.

В результате кусок тротуара трёхметровой длины, вклинившийся между двумя обихоженными территориями, индифферентно обрастает льдом.

Порой ради общего блага полезно бывает поступиться принципами :)

Аэропорт Анапы: возвращение в советское детство

Четверть века прошло с тех пор, как советская власть рассыпалась в труху. Я никогда не был её поклонником, и мысль напялить на себя футболку с надписью «Родился в СССР» мне даже в минуты одержимости экстра-ироническими настроениями никогда не забредала в голову. Но и к числу тех её записных ненавистников, которые с остервенением продолжают ворошить прах покойника, почившего двадцать пять лет назад, я тоже не отношусь.

Если и было что-то хорошее в советской жизни шестидесятых — начала восьмидесятых — это, во-первых, ощущение стабильности и уверенности в завтрашнем дне. Ощущение во многом ложное, но драгоценное само по себе.

Во-вторых, советская идеология, крепко настоянная на цензуре и политике изоляционизма, как и любое реальное явление, имела оборотную сторону. Не имеют её только идеологические абстракции. Говоря упрощённо, разница между советской Россией и современной заключается в том, что советские люди не читали «Мастера и Маргариту», однако же не смотрели и «Дом-2»; сегодня российские граждане по-прежнему не читают «Мастера и Маргариту», но при этом до одурения смотрят «Дом-2» и «Битву экстрасенсов».

Можно было бы, наверное, вспомнить и в-третьих, и в-четвёртых — вот они уже вертятся на языке. Но не будем крохоборствовать. Поговорим о главном.

Если и было что-то плохое в советской власти, то это отнюдь не гнобёж диссидентов. Честно говоря, они, в массе своей, были людьми довольно-таки противноватыми. Сколько доводилось по работе и в быту нарываться на личностей диссидентского склада — очень долго потом плевался.

Если и было что-то плохое в советской власти, то это, во-первых, тщательно проработанная система духовного насилия, невозможность в любой сколько-нибудь официальной ситуации выйти за незримо, но жёстко очерченные идеологические границы. Для кого-то — невозможность психологическая (понимание тех неизбежных последствий, с которыми придётся столкнуться «нарушителю»), а для кого-то — и органическая (незнание того, что некая ментальная «заграница», в принципе, существует).

Второй огромный изъян советской власти — тотальное, всепроникающее неуважение к человеку, полное пренебрежение его насущными, естественными потребностями, по принципу: «Чай, не баре! Сыты, одеты, обуты, крыша над головой имеется — и нефиг тут выёживаться».

Помнится, во времена оны моя мама, дипломированный инженер, в порядке трудовой помощи города деревне занималась с коллегами строительством свинарника. Ей особенно запомнилась даже не сама эта «стройка века», а то, как придирчиво представители свинарника добивались от работниц умственного труда кристальной чистоты окон в свежевозведённом хлеву. Когда наша семья получила отдельную квартиру, окна в ней сверху донизу были забрызганы какой-то трудноотдираемой строительной дрянью.

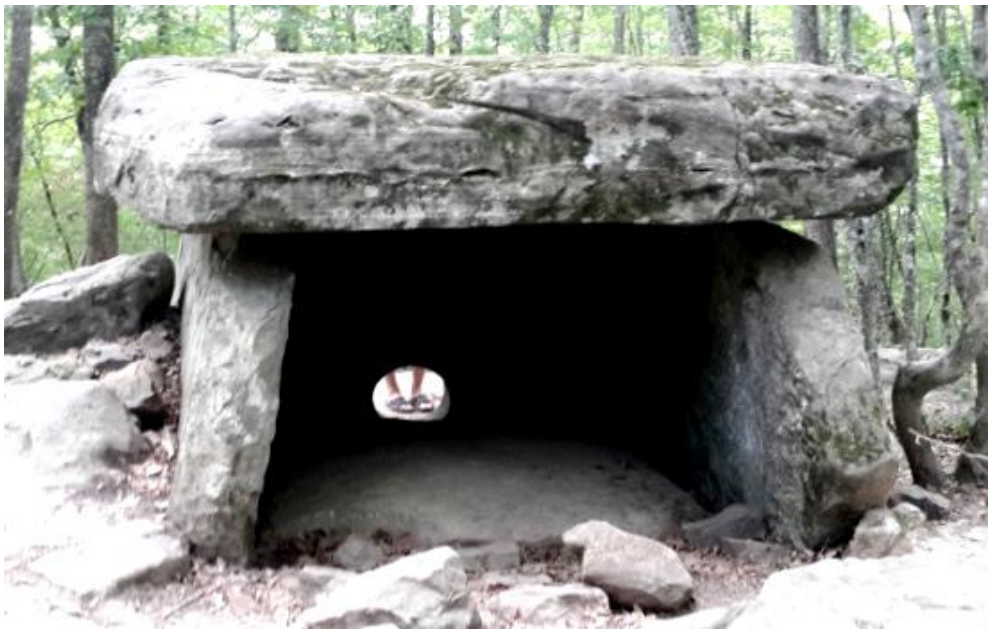
В этом вся советская власть. И в том, что инженер должен строить свинарники, а свиновод ему указывать: чище мой, фитюлька интеллигентская! И в том, что свиньям чистые окна нужны по техпроцессу — для повышения увесов и надоев :) — или по каким там показателям замеряют эффективность откорма свиней. А человеку не нужны — человек и так перетопчется.

Можно было бы, конечно, вспомнить и третье, и четвёртое. Вот они уже готовы слететь с языка. Но, как и договаривались, оставим мелочное копание в окаменевшем дерьме истории педантам.

Ну а при чём здесь аэропорт Анапы? — спросите вы.

Да так, напомнило кое-что из далёкого прошлого. Раз уж решили не вдаваться в подробности — не будем.

Но, кажется, даже тогда (а в детстве мне случилось пару-тройку раз побывать в наших южных аэропортах) наглые тараканы не шныряли хозяйски в зале ожидания, так чтобы приходилось то и дело отдёргивать ноги — во избежание тараканьего ДТП :)



Отшельник отчаяния

Благодаря организаторам Сибирского филологического форума довелось побывать на родине Виктора Астафьева — в селе Овсянка, где всемирно известный писатель провёл последние годы жизни, купив дом и обустроив его по своему вкусу. Сейчас в нём литературный музей.

Три комнаты. Ни водопровода, ни стиральной машины, ни газовой плиты, ни центрального отопления. Еда готовилась на дровяной печке, ею же обогревался дом. Туалет — во дворе. Мебель в стиле заштатной советской гостиницы. Рабочий кабинет (он же спальня) такого размера, что если двое войдут, третьему уже не втиснуться.

И при том собственная машина («Волга», разумеется) с персональным водителем.

В таком категорическом отказе от элементарного бытового комфорта есть своеобразный героизм — наподобие героизма христианских отшельников.

Но за внешним сходством кроется великое различие.

Отшельническое самоотречение — это смелый и решительный шаг вперёд. Ещё при жизни — одной ногой в смерть, в распад всего телесно-материального, чтобы оттуда, сделав второй шаг, так же смело и решительно войти в жизнь вечную.

Отшельничество Астафьева видится мне актом трагическим и безнадёжным. Это шаг, продиктованный разочарованием в настоящем и неверием в будущее. Шаг назад — в мифологическую страну своего детства, которой никогда, пожалуй, и не существовало в реальности. С упорством отчаяния цепляясь за внешние, бытовые атрибуты старосоветской деревенской жизни, он хотя бы в отдельно взятом доме пытался насильственно удержать великую и прекрасную иллюзию, не состоявшуюся в целой стране.

Аскетизм отшельника — это знамя его грядущей победы.

Аскетизм Астафьева — знак его им же самим молчаливо признанного поражения.

2. Зеркало коррупции

В продолжение предыдущего раздела. Все мы традиционно бухтим по поводу коррупции. И каждый второй (если не первый), конечно же, составил в голове безотказный рецепт – как изжить её на раз-два-три в масштабах всего государства. Чтобы победить коррупцию, надо, прежде всего, понять: откуда она берётся? По-моему, всё тут немного сложнее, чем склонен думать этот самый каждый второй – который с рецептом…

Зеркало первое – кривое

Незадолго до нового года некий отдалённо знакомый мне человек, с которым мы встретились по делу, попытался заодно получить у меня «профессиональную» консультацию: как правильно предложить взятку преподавателю вуза? У человека есть дочь-студентка, у дочери — нелады с одним предметом, которые грозят безнадёжно измарать синим её потенциально красный диплом.

Если проанализировать ситуацию — что мы сами думаем о себе — картина вырисовывается безотрадная: преподаватели — взяточники, чиновники — коррупционеры, милиционеры — мздоимцы, судьи — продажные, все остальные — подворовывают на рабочем месте то, что плохо лежит.

Иначе говоря, львиная доля населения нашей страны искренне убеждена, что львиная же доля соотечественников — ворует (или воровала бы — представься такая возможность).

Корни коррупционной напасти не в чьём-то стремлении к незаконной наживе, а в том что первое побуждение у многих из нас (в том числе у тех порядочных в своих поступках людей, которые сами взяток не берут и думают об этом с отвращением) — заподозрить другого человека в бесчестности. Просто так, без всяких на то оснований, исходя из порочного убеждения: «Все они — такие!»

Открою небольшой секрет: пока мы не вычистим коррупцию из своих мозгов (именно в этой её «невинной», отзеркаленной форме), никакой метлой её из реальности не вычистить! — ни арестами, ни системой госзакупок, ни запретами для преподавателей принимать от студентов цветы и шоколадки…

Просто задумайтесь, проникала ли вам в голову хоть раз эта ядовитая мысль: «Да все они там!…»

И начинайте по капле выдавливать из себя коррупционера :)

Зеркало второе – чемоданное

Во время транзитной пересадки в Домодедово наш чемодан аккуратно «досмотрели», не поленившись подобрать код ко встроенному замочку (хотя чего там подбирать: код по умолчанию — три нуля).

Надо сказать, что чемодан у нас большой и внушительный. А поскольку отдыхающие (сам не раз наблюдал) закупают черноморский алкоголь ящиками и коробками, работники багажной службы уже потирали свои потные от погрузки чемоданов руки, предвкушая солидную поживу.

Даже сейчас, по прошествии двух недель, я с удовольствием представляю себе их физиономии при виде трёх тонн повседневной грязной одежды и четырёх моих толстых книжек, купленных в Анапе. Для меня они, конечно, представляют великую ценность, но для багажных воров — едва ли :)

Так что на этот раз им не повезло, а нам повезло: что было в чемодане, то в нём и осталось.

Некоторые мои фейсбучные знакомые любят порассуждать о мафиозном государстве и о том, что рыба гниёт с головы. В гниении рыб я не знаток, так что приму последнее утверждение на веру. Но государство-то ведь не рыба. Государство гниёт с основ.

Почему у нас на всех уровнях государственного управления (от мелких чиновников до крупных министерств) такая прорва коррупционеров, что их никакой метлой не вычистить? Потому, что власть у нас коррумпированная, говорите? По-моему, какой-то странный замкнутый круг вырисовывается, не правда ли? ;)

Я вам объясню проще: неискоренимая коррупция процветает у нас потому, что в Домодедово шмонают чемоданы.

Если бы удалось пересчитать рядовых россиян, которые при случае не прочь присвоить то, что плохо лежит (и тех, которые уже присваивали), если бы удалось пересчитать тех, кто при случае не прочь произнести сакраментальную фразу: «Да все они там ... !» (про депутатов, чиновников, полицейских, судей, преподавателей, врачей и т.д.). Если бы удалось объективно и беспристрастно произвести такой подсчёт, мы бы поняли, что коррумпированность власти — не причина, а следствие. Причина — коррумпированность сознания.

Ну, честное слово: чего вы хотите от страны, где одна половина населения только и ждёт возможности незаконно прикарманить чужую собственность — частную или государственную, — а другая, хоть и не ворует сама, готова с лёгкостью заподозрить других неворующих в моральной нечистоплотности только на основании их принадлежности к одному из «коррумпированных» сословий?

И никакая реформа верховной власти тут не поможет. Потому что всякая власть — даже вдохновляемая самыми кристально чистыми идеалами — обречена либо молчаливо принять в итоге существующий порядок вещей, либо плюнуть на идеалы и прибегнуть к авторитарным мерам, либо выпустить из рук все реальные рычаги влияния под напором прущих снизу по «лестнице успеха» коррупционеров. Потому что сам житейский субстрат как выталкивал, так и будет выталкивать подобных людей наверх.

Те, чьи амбиции ограничиваются халявным «Абрау-Дюрсо» из чужого чемодана, так и осядут в багажном отделении аэропорта. А у кого амбициии — многомиллионные, те, что называется, далеко пойдут.

И поможет тут только глобальная реформа сознания. Дело же это очень-очень долгое, очень трудоёмкое и очень непростое.

Сложно, говорите вы, и результата в обозримой перспективе не увидать?

А никто и не говорил, что будет легко.

Зеркало третье – карманное

Вчера совершил символический гражданский акт.

Кофемашина выдала мне вместо горячего шоколада пустой стаканчик. Я, поражаясь собственному нахальству, позвонил по номеру, указанному на агрегате, и твёрдым голосом потребовал либо заказанный напиток, либо свои 30 рублей. Обошлось без скандала. Деньги мне пообещали вернуть, пополнив баланс мобильника.

Разумеется, деньги не вернули.

И, разумеется, звонить ещё раз я не буду.

Когда заходит разговор о коррупции, мы видим обычно только одну сторону: кто-то что-то ворует.

Но у коррупции много сторон. Даже не две — лицевая и оборотная, — а много, много больше.

И мои ухнувшие в недра кофемашины 30 рублей — малая сама по себе, но символически весомая лепта в поддержку тех социальных отклонений, которые делают коррупцию и чиновничьи злоупотребления неизменным фоном нашей жизни.

Я не знаю точного размера своей зарплаты. Не знал, когда получал ассистентские гроши, едва дававшие возможность сводить концы с концами. Не знаю и сейчас.

Когда в овощной лавке продавец, с которым мы уже не первый год любезно здороваемся, ухитряется всучить мне подгнивший апельсин, ловко замаскировав его среди двух других, я обижаюсь на него, даже из принципа не хожу в его ларёк неделю-другую. Потом мне это надоедает и всё возвращается на круги своя. Гнилой апельсин я попросту выбрасываю.

Я никогда не пересчитываю сдачу.

Я сознаю, что объективно я — пособник коррупции. Те, кто присваивает себе не положенное по праву, — её движущая сила. Те, кто легко готов поступиться своими законными правами, — её топливо.

Но главное: я категорически не хочу меняться. Потому что человек, который методично пересчитывает десятки, перед тем как сунуть их в карман, будет уже не мной. Я допускаю, что он будет много лучше и правильнее меня.

Но это будет какой-то другой человек. А не я.

Так что когда вы в очередной раз будете задаваться сакраментальным русским вопросом: «Кто виноватъ?», имейте в виду: Сергей Демченков приложил к этому свои тридцать рублей :)

3. *MARE INTERNUM*

Mare Internum в переводе с латинского – Средиземное море. Но речь будет не о нём, хотя именно его плеск слышен фоном во всех очерках (кроме последнего). Речь будет об оживлённых перекрёстках и вавилонских смешениях – языков, культур и эпох…

Анатолийская земля

Анатолийская земля — красно-бурая, как несвежее мясо, с желтовато-белыми прожилками горных пород. Она не отличается плодородием и трудна в обработке: все крупные камни надо выкопать и убрать со своего надела. Но горячее южное солнце творит чудеса, и на анатолийском побережье крестьяне снимают по 4-5 урожаев в год. А если очень-очень повезёт, то и все 7. Правда, такие сверхизобильные годы выпадают нечасто.

Отельные туристы — народ, привыкший к комфорту. Трансфер от аэропорта до места отдыха свыше 100 километров для многих из нас — серьёзный повод, говоря эзоповым языком туроператоров, задуматься об альтернативных предложениях. Поэтому курортная зона Анталии простирается к западу только до селенья Текирова. Дальше скалы на несколько десятков километров вплотную придвигаются к морю, возводить тут курортные объекты сложно и малорентабельно. А ещё дальше — именно: дальше ехать слишком далеко :)

И всё же, если будете в районе Анталии, рекомендую вам перевалить через южные отроги горного хребта Таурос — благо, магистральные автодороги в Турции хороши.

Если вы не видели грандиозных тепличных плантаций Кумульджи и бесконечных пустынных пляжей Хасъюрта, где только волны, да ветер — и немногочисленные местные купальщики и рыболовы, если вы не захватили полной горстью горячей глиняно-красной анатолийской земли, — возможно, вы не увидели и не почувствовали главного, ради чего и стоило сюда приехать. Именно здесь, а не в курортных городках — непрекращающийся, как смена времён года, труд под открытым небом до седьмого пота, здесь — душа и подлинная поэзия южного побережья Турции. А отели — отели, они везде одинаковы.

Турция — аграрная страна. Количественное соотношение между сельскими и городскими жителями — 50 на 50, и турецкое правительство прилагает значительные усилия, чтобы как можно сильнее нарушить это равновесие в пользу деревни (в дальнейших планах — 70 на 30).
Земля (за исключением узкой прибрежной зоны и горных массивов, которые являются государственной собственностью) здесь в основном частная и бережно передаётся по наследству. Когда своими руками выворотишь из неё первую сотню валунов и вывезешь их с поля, начинаешь относиться к ней не просто как к фамильному капиталу.

Традиционно самая плодородная земля переходит по наследству к сыновьям. Дочерям выделяется что поплоше.

Как повелось испокон веков, в 30-е, 40-е, 50-е годы прошлого века турецкие женщины из семей, проживавших в районе Антальи, получали от родителей в наследство большие, но непригодные для земледелия участки в Аллахом забытом Кемере и его окрестностях, куда и дороги-то нормальной не было — добираться приходилось по морю. А в 60-е годы, с наступлением курортного бума, эти золушки неожиданно разбогатели и поголовно сделались миллионершами. Но землю свою не продали, потому что земля — это святое; сдают её в долгосрочную аренду, так что отели здесь то швейцарские, то немецкие, а земля под ними как была, так и осталась турецкой. И, пожалуй, навсегда останется.

Вообще же труд турецкого крестьянина не сахар. Днём в парниках температура поднимается сильно за 50, поэтому работать в них можно только поздно вечером или рано утром. Вода, даже техническая, употребляемая для полива, отнюдь не бесплатна, поэтому в каждом фермерском хозяйстве можно увидеть небольшой котлован, одетый изнутри в бетон, а чаще – выстланный полиэтиленом, куда в ноябре, когда дожди идут практически беспрерывно, собирают дармовую воду. Во всякой деревне есть фельдшерский пункт и начальная школа, но, уже начиная с четвертого класса, детей ежедневно возят на специальном школьном автобусе в райцентр.

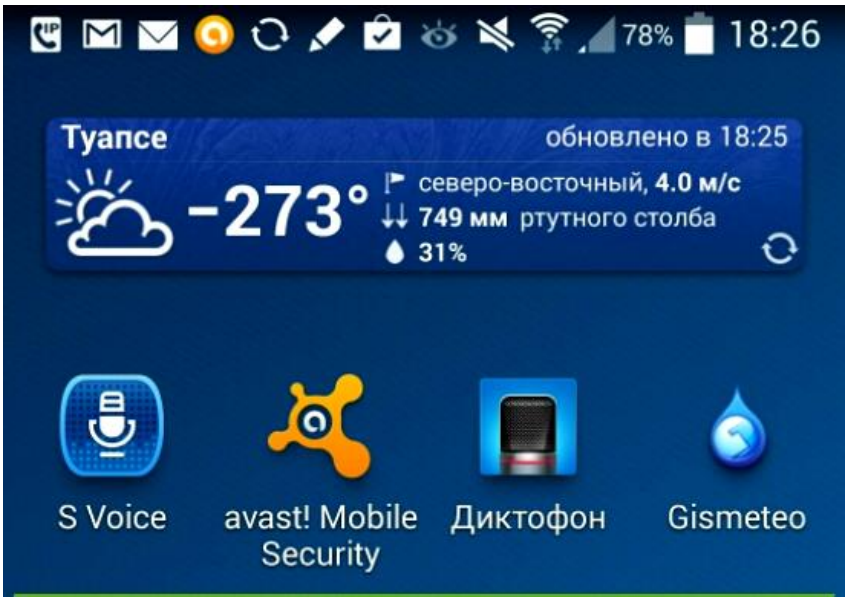
Остаётся и проблема перекупщиков. Сумасшедших денег на овощах не заработаешь. Поэтому, кстати, многие крупные землевладельцы отказываются от традиционных аграрных промыслов, переходя на выращивание апельсинов: ухода они почти не требуют, хранятся отлично и продаются относительно дорого. Там, где раньше трепетали серебристой листвой на ветру оливковые рощи, теперь почти повсеместно аккуратными рядами расположились апельсиновые деревья. Только в деревнях по старой памяти продолжают выращивать ещё маслины.

Даже беглого взгляда хватает, чтобы понять, что живут турецкие крестьяне в массе своей очень и очень средне. Кондиционер в деревенском доме скорее исключение, чем норма — а здесь в летний полдень, особенно в прокалённой насквозь горной долине, без кондишна, скажу вам, шутки плохи. Да и сами дома, как правило, не вызывают желания в них поселиться. Раздолбанные «Жигули» (которых и у нас уже нигде не встретишь — разве что в музее) в качестве основной рабочей машины здесь отнюдь не экзотика.

Те, у кого нет своей земли, вкалывают на владельцев крупных латифундий и живут обычно в сельскохозяйственных центрах, наподобие той же Кумульджи, в многоквартирных домах. Экстерьером они поимпозантнее, чем хрущёвки, но подозреваю, что мало чем от них отличаются по сути.

У безземельного крестьянина всегда есть альтернатива батрачеству: правительство раздаёт казённую землю на горных склонах всем желающим абсолютно бесплатно. Хочешь завести своё хозяйство — пожалуйста. Правда, здесь немало метафорических подводных и натуральных подземных камней, которые нужно убрать со своего участка; потом привезти почву из долины, потому что на скудной горной не вырастить конкурентоспособного урожая и т.д.

Когда мы посещали развалины древнего Фазелиса, умом я понимал, что этим грубо обтёсанным каменным блокам больше двух тысяч лет. Но это зрелище давно ушедшей жизни оставило моё сердце холодным. И когда я вернусь домой, перед глазами в воспоминании будут вставать не руины древних городов и не ровные ряды отельных шезлонгов, а эта красно-бурая, как несвежее мясо, с желтовато-белыми каменными прожилками, горячая анатолийская земля.



Мы, славяне…

Наш гид Руфат (для косноязычных европейцев — Алекс) зноен до черноты ликом, как и положено коренному анатолийцу. Он ненавидит русские падежи, как только может ненавидеть их человек, много от них настрадавшийся, и падежи отвечают ему взаимностью.

И тем не менее Руфат то и дело ухитряется ввернуть в свою речь обороты типа: «А мы, славяне…». Причём видно, что делает он это совершенно искренне. Он и в самом деле до некоторой степени считает себя славянином и даже гордится этим. Руфату слегка за сорок. Окончил он исторический факультет. На последнем курсе научный руководитель сообщил ему тему дипломной работы: что-то из истории СССР позднего периода. Халтурить Руфат не привык: в процессе подготовки диплома он выучил русский язык. Не на шутку увлёкся, побывал в Москве и ещё нескольких городах бывшего Советского Союза. Но насовсем из Турции так и не уехал.

Работает по специальности: преподаёт историю. Во время каникул подхалтуривает экскурсоводом, продолжая изрядно затянувшуюся войну с русскими падежами, в которой обе враждующие стороны с неиссякающей изобретательностью расставляют друг другу хитроумные ловушки. Впрочем, подозреваю, что коварные русские падежи он тоже полюбил и темпераментно клянёт их в основном для порядка.

Будучи мусульманином, ребёнка себе Руфат вымолил у христианского святого — Николая Мирликийского.

Всё это может показаться изрядно эклектичным. Но если копнуть чуть глубже, — возможно, это и есть та цельность духа, и в каком-то смысле — та самая легендарная соборность, о которой столь многословно и многоумно грезили российские мыслители всех ориентаций.

По-моему, большинству из нас — россиян — недостаёт чего-то очень важного, что есть у Руфата: способности искренне почувствовать себя другим, не переставая при этом быть собой.

Руфат-Алекс — турок на все обжигающе-горячие анатолийские 220 процентов. Он любит свою родину и, не закрывая глаза на её многочисленные недостатки, простодушно гордится ею. И это не мешает ему столь же искренне ощущать себя славянином и столь же горячо и простодушно гордиться этими чёртовыми

запутанными падежами и этой втройне запутанной страной, которую сам чёрт мозги сломит понять.

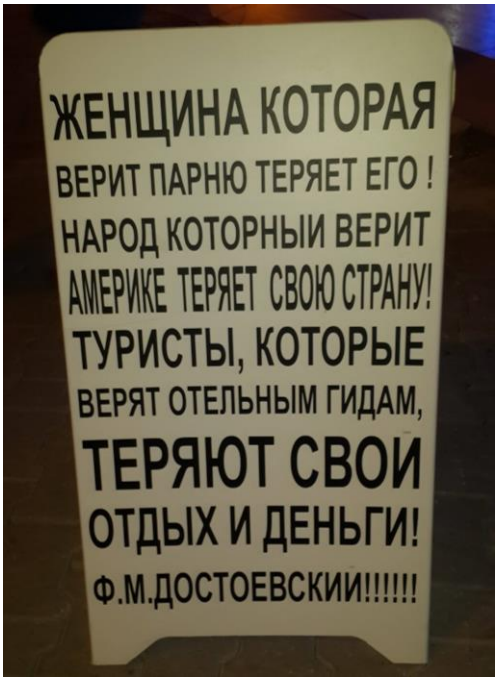
Наши отношения с родиной традиционно много сложнее (уж что-что, а сложничать мы умеем!) и, честно говоря, по большей части, — сильно гаже. Наша любовь — если она вообще есть — вечно выкручена на полный максимум — от опупелого ура-патриотизма до «странной», «с принципиальными оговорками» и даже «горькой». Короче, полный спектр сексуальных извращений; по нам хоть энциклопедию составляй.

Что же касается отношения к Другому, здесь до того всё затейливо, что пусть лучше психоаналитики, потакая своим природным склонностям, в этом со смаком копаются: по одну сторону расположился окладистобородый детина с баулом ушанок наготове (закидывать!), по другую уставший от родимых грязей томный русский европеец с журнальцем «Сноб» промеж интеллигентских нервных пальцев.

Нет, я не хочу сказать, что все россияне поголовно любят родину неправильно, а все турки единственно верным и надёжным способом.

Да, я просто хочу сказать, что у Руфата есть чему поучиться.

И если уж говорить про надёжность, это, на мой скромный взгляд, будет понадёжнее философии соборности и прочих державных духовных скреп и либеральных духовных антистеплеров.



Hür или не hür?

Как и положено российскому гуманитарию старого закала, я могу сформулировать на языке страны, в которую приехал, некоторое количество абсолютно бессмысленных, книжных вопросов. Так, например, я могу с полным знанием дела спросить у подвернувшегося мне турецкого обывателя: «Bu ülkede insanlar hür müdür?» (то есть: «В этой стране люди свободны?»), но потерплю полный крах, если попытаюсь сформулировать что-нибудь попроще и понасущнее. Например: «Как зовут вашего сына?».

Русские и турки во многом очень похожи. У нас гораздо больше общего друг с другом, чем, скажем, с немцами, французами или американцами. Когда несколько лет назад турецкое правительство, пытаясь обуздать горячий нрав местных водителей, ввело драконовские штрафы за езду без ремня безопасности, на следующий же день во всех магазинах бойко шла торговля футболками с чёрной полосой через левое плечо, наискось поперёк живота. Характерно, что наиболее простое и наиболее безопасное во всех смыслах решение — воспользоваться натуральным ремнём — широким водительским массам в голову не пришло :)

Вот этой весёлой безбашенности, этой ошеломляюще-ироничной изобретательности в решении бытовых проблем, а главное, того особого отношения к жизни, которое стои́т всем этим, мне будет очень недоставать в пресной Европе, если когда-нибудь волею судеб придётся там поселиться.

Что в Турции, что в России власти склонны проявлять избыточную заботу о физическом, а главное, моральном здоровье граждан. Но, по вечной русской безалаберности, бо́льшая часть этих инициатив — иногда вполне разумных, иногда и откровенно бредовых — так и остаётся у нас на стадии прожекта.

В Турции запреты жёстче и блюдутся строже, но, как правило, производят впечатление более осмысленных. Например, у нас нельзя продавать несовершеннолетним сигареты и спиртные напитки, а здесь им (до 16 лет) нельзя к тому же продавать «Колу» и обслуживать их в «Макдональдсе»; более того, когда строят очередную биг-мак-едальню, в число разрешительных документов входит справка о том, что возводимая фастфуд-забегаловка находится на расстоянии не менее двух километров от ближайшей школы. Вообще несовершеннолетним здесь много чего нельзя: нельзя ходить в интернет-кафе, нельзя появляться в школе с сотовым телефоном.

Да и совершеннолетним тоже: например, нельзя ругать первого президента республиканской Турции — Мустафу Кемаля Ататюрка. И не так, как нашего ныне действующего, которого ругают все, кому не лень, кроме казённых СМИ, — а вообще нельзя. Если замечен в ругательстве — в суд и на небольшую профилактическую отсидку.

Многие вещи нельзя делать не потому, что запрещено, а потому что не принято. Скажем, турецкому мужчине лет так после тридцати категорически нельзя не быть женатым. Где-нибудь в Стамбуле или Анкаре ещё есть шанс разыскать отдельных великовозрастных холостяков. Но даже в курортном Кемере это практически нереально, не говоря уже о сельскохозяйственных районах центральной и восточной Анатолии, где на хронического «неженатика» все будут смотреть со смесью неоспоримого превосходства и неискоренимого подозрения, ибо, если взрослый мужчина неженат, — то он и не мужчина, собственно говоря, и что-то в его жизни очень и очень не так — есть у него либо какой-то тщательно скрываемый позор, либо изъян (например, мужское бессилие).

Впрочем, в прежние, менее либеральные времена в некоторых районах Турции в первую брачную ночь у дверей спальни выставляли специальных наблюдателей, которые были обязаны незамедлительно убить новоявленного мужа, если он окажется неспособен к исполнению супружеского долга. Как при таких условиях у несчастных мужей вообще хоть что-то получалось — для меня загадка. Наверное, воля к жизни помогала сконцентрироваться на главном :) и отрешиться от всего, так сказать, второстепенного.

Так что сейчас, по сравнению с относительно недавним прошлым, ничего — жить ещё можно :)

Когда-то, когда я был юн и наивен, я полагал, что свобода может быть измерена в абсолютном выражении и за эталон (хотя отнюдь не идеал) готов был доверчиво принять современную Западную Европу, как ненавязчиво подсказывали многочисленные авторитетные подсказчики.

Сейчас я понимаю, что свобода — понятие субъективное. Нет и не может быть какой-то совершенной, общепринятой и общеприятной свободы. Есть лишь разные наборы и методы ограничений, употребительные в различных человеческих сообществах (как государственных, так и многих иных, порой имеющих надгосударственный характер). И есть среди них те, которые более приемлемы лично для меня.

Всё. Вот альфа и омега социальных, политических и духовных свобод. Единственная объективная мера свободы — это принципиальная доступность пересечения границ. Если возможность моего подъёма по социальной лестнице жёстко ограничена моей родословной — это социальная несвобода. Если возможность выбрать приемлемые для меня гражданские свободы жёстко ограничена запретом покидать границы родного государства — это политическая несвобода. Если возможность ознакомиться с мнениями, альтернативными официально провозглашаемому, жёстко ограничена государством — это духовная несвобода.

Замечу в скобках: пересечение границ (в широком смысле — не только государственных) отнюдь не должно даваться безо всякого труда — легко и воздушно, как детский пук. Но в то же время затруднённость пересечения границы не должна быть для индивида непомерной.

Поэтому Турция для меня — свободная страна, как, например, Россия, США или Германия: все они позволяют сменить предлагаемый ими комплект свобод и ограничений на любой другой, аккурат по твоей комплекции, и — при соблюдении определённых условий — приобщиться к своим свободам и ограничениям тем иностранным гражданам, которые действительно к этому стремятся.

Есть счастливые (по-своему) натуры, которым везде будет полный hür — водились бы деньги в достаточном количестве и никто бы не мешал их тратить, на что забезрассудится.

Но есть немало (по-своему несчастных) людей с такими своеобразными фигурами, что любая пошитая фабричным способом свобода придётся им не по мерке: тутошняя в заду будет жать, а в тамошней — рукава и штанины непомерной длины, запутаться можно.

Я, наверное, отношусь к этой последней категории. С одной стороны, российские свободы мне не жмут нестерпимо, как некоторым. С другой, не так комфортны, как хотелось бы. А с третьей, знаю, что американские, немецкие или турецкие тоже не сядут на душу как влитые и будут теснить, пожалуй, даже поболее, чем здешние.

… Турецкий язык позволяет выразить удивительно тонкие мысли чисто грамматическим способом. Когда мы говорим: «Bu ülkede insanlar hür müdür?» — мы подразумеваем: «В этой стране люди свободны (весь народ как целое)?». Если же мы скажем: «Bu ülkede insanlar hür müdürler?» — смысл будет существенно

иным: «В этой стране люди свободны (каждый из этих людей по отдельности)?». И этот последний вопрос, на мой взгляд, много важнее, чем тот обобщённо-бессодержательный, с которого начиналась заметка.

Россия — цивилизованная страна?

Читаю книгу турецкого археолога Ильхана Акшита, который занимался реконструкцией троянского коня, руководил реставрацией дворца Долмабахче в Стамбуле и множества других архитектурных памятников.

Называется она прелюбопытно: «Турция — цивилизованная страна».

Подозреваю, что перевод слишком прямолинеен и не учитывает некоторых смысловых нюансов. На самом деле автор говорит о том, что Турция — страна великих цивилизаций прошлого и достойная их наследница.

Но, как часто бывает, именно случайный сбой обнажает подлинную природу вещей. Помните рассуждение Довлатова о том, что в советских газетах только опечатки правдивы? — «гавнокомандующий» вместо «главнокомандующий», «коммунисты осуждают решения Партии» — вместо «обсуждают» и т.п.

Так вот, «Турция — цивилизованная страна» — это очень турецкая постановка вопроса :)

Хотя у современной Турции много больше общего с Россией, чем с Европой, Турция очень гордится своей цивилизованностью и европейскостью — почти так же сильно, как и своей турецкостью.

Конечно, отчасти это гордость напоказ, гордость вопреки. Говоря «я — турок» и «я — европеец», коренной обитатель Анатолии в глубине души понимает, что, с точки зрения коренного европейца, первое — не столь уж почётно, а второе — не столь уж бесспорно, как представляется ему, живущему по другую сторону Босфора. И тем не менее «турецкая» и «европейская» половинки сознания ухитряются довольно-таки мирно уживаться в одной голове, неплохо взаимодополняя друг друга.

У нас, россиян, безнадёжно (и не без мазохистского удовлетворения) распятых между Азией и Европой, даже такая относительная гармония невозможна.

Я не представляю себе книги французского, немецкого или, например, итальянского автора под названием «Франция (Германия, Италия) — цивилизованная страна» — разве что в сугубо ироническом смысле. Не будем сейчас рассуждать о том, имеет ли Европа право никому и ничего не доказывать, или не имеет. Во всяком случае, она может себе позволить этого не делать.

Но я не представляю себе книги с аналогичным названием и в России.

Мы слишком болезненно переживаем нашу разобщённость с Европой и, втайне завидуя европейской налаженности жизни, европейскому порядку (не в его отечественном варианте, который именуется «твёрдой рукой», а нормальному, человеческому), слишком настойчиво пытаемся уверить себя, что всё это — пустяки («без Европы жили и проживём!»). Поэтому наша национальная гордость находится не в согласии с нашим «европейским чувством», а в неустранимом противоречии с ним.

Впрочем, меня не оставляет надежда, что когда-нибудь и мы сможем сказать о своей родине: «Россия — цивилизованная страна». С такой же спокойной уверенностью и гордостью, как Ильхан Акшит.

Mediterrian Language

По тонкому наблюдению жены, на курортных берегах Эллады царит Mediterrian Language — средний язык, который наполовину состоит из жестов, наполовину — из слов, грамматических и словообразовательных конструкций десятков самых разных языков. Современный аналог сложившегося средневековом Средиземноморье сабира (он же — лингва-франка).

Подчеркну: именно так, Mediterrian. Не Mediterranean Language! Не средиземноморский, а средний — то есть не поймёшь какой, ото всех понемногу. Поэтому и название ему необходимо особое: изо всех языков сразу, и ни из какого конкретно. Но Language оставим в неприкосновенности, поскольку английский в составе среднего языка, пожалуй, служит этаким цементом, сцепляющим все прочие элементы словесной конструкции.

Mediterrian Language сродни олье подриде — любимому блюду Санчо Пансы: вали в котёл то, что есть под рукой; и чем больше всего съедобного туда положишь — тем вкуснее и наваристее получается.

Попытки обуздать кипучую стихию среднего языка, разделить её на составные части и каждую упаковать в отдельный флакон, украсив соответствующим флажком, есть истинный сизифов труд, бесконечный и бесполезный.

Приходит очередной клиент, и снова в котёл летят любые подручные слова — лишь бы поскорее понять друг друга и договориться ко взаимному интересу:

— Мне апельсиновый сок пожалуйста. Со льдом… как его… в общем, виз айс!

— Orange juice with ice? Yes?

— Да, да, апельсин!

— Euharisto, спасибо — говорит бармен, вручая покупателю напиток.

— Спасибо, евхариста! — отвечает наш соотечественник, читавший вчера на сон грядущий русско-греческий разговорник в туристическом буклете.

Прелесть Mediterrian Language в том, что у него нет и не может быть эталонных носителей, у него нет никаких общепринятых норм. Перед ним все равны, а он ко всем добродушно-снисходителен.

Средний язык прост, но постигать его начинаешь не сразу. Несколько дней подряд мы вслушивались в гортанные возгласы пляжных торговцев, пытаясь соотнести внешний вид товара с его названием.

С внешним видом проблем не возникало: на подносе с прозрачной пластиковой крышкой, который загоревший до адской черноты разносчик ловко держит одной рукой, лежит нечто большое, мучное, треугольное, прожаренное в масле и (очевидно, чтобы усилить отвращение) обильно посыпанное сахарной пудрой (как можно есть это в 36 градусов???).

Но вот фонетика никак нам не давалась.

— Э-э-ре-е-е-е-е-е, — тягуче начинает кондитер-зазывала; интонация плавно повышается и достигает пика, — д-о-о-НАТ! (последний слог залихватски-отрывистый — словно дверь захлопнулась и щёлкнул английский замок).

— Э-э-ре-е-е-е-е-е д-о-о-НАТ!

Вчера я неожиданно уразумел, что это чудо вокала — обычный the donat (пончик).

Впрочем, средний язык, при всей своей пофигистской толерантности, обильно сдобрен иронией и самоиронией.

— Э-э-ре-е-е-е-е-е д-о-о-НАТ! Кро-О-офнэ! Абра-а-а-кадабра! — выкликает с самым невозмутимым видом очередной торговец, бредущий вдоль линии прибоя. И обессиленно распластавшиеся на своих шезлонгах отдыхающие, уже успевшие распробовать острые сочетания словесных специй, отличающие Mediterrian Language, улыбаются блаженной улыбкой удовлетворённого гурмана.

Постскриптум.

Вечер. Набережная курортного посёлка. Три юные разбитные гречанки хором тарахтят на языке Гомера, в промежутках между греческими фразами непринуждённо матерясь по-русски.

И это главное свойство Mediterrian Language — он никогда не перестаёт тебя удивлять :)

Греция vs. Эллада

Когда тебя зовут Александром, но все знакомые и друзья называют тебя, к примеру, Евлампием, надо иметь нечеловеческую выдержку, чтобы в запальчивости не надавать никому из них по мордасам, заливаясь при этом слезами и с надрывом выкрикивая: «Александр! Вы слышите?! Я — Александр!!!». И поэтому я не устаю поражаться долготерпению греков, которые с олимпийским спокойствием (и Аристофановой иронией) принимают как данность несуществующее имя своей страны и своего народа.

Греция — едва ли не единственное государство в Европе и сопредельных землях, где слова «Греция» и «грек» совершенно не в ходу. Их тут, разумеется, знают. Ещё бы не знать, если тебя так называют все, кому не лень, причём уже не первое тысячелетие! Но любовью эти словечки тут не пользуются.

Стоит вам вступить в разговор с местным жителем, хоть немного выходящий за рамки утилитарного «купи-продай-как-пройти-спасибо», и он в ответ на ваше первое же упоминание о греках, заметит, что на самом деле страна эта испокон

веков называется Элладой, а его народ — эллинами; так всегда было, и всегда так будет.

Слово «грек» придумали надменные римляне. Вслушиваться в самоназвания разных полудиких племён, обитающих на землях великой империи, им было лениво. В итоге лейбл какой-то заштатной эллинской провинции, о существовании которой и сами греки-то знали через одного, был выбран методом случайного тыка, дабы обозначать Элладу как целое.

На первых порах ироничные эллины, должно быть, весело смеялись над полудикими латинянами: вот вахлаки, вот лапифы неотёсанные — не знают, как именуется колыбель цивилизации!

Но Римская империя была учреждением авторитетным: сегодня в Европе Элладой Элладу (помимо самих эллинов) называют, кажется, только норвежцы. Семитские и тюркские народы, которым Римская империя была не указ (или указ — но оттого особенно несимпатична), предпочитают вариации на тему «Юнан/Йаван» (от Ионического моря).

Даже на евросоюзных номерах греческих авто, вместо законного «EL», выведено постылое «GR».

Так и представляю себе этот напряжённый разговор в кулуарах Еврокомиссии:

— Ребята, мы все, конечно, уважаем ваше право на самоопределение. Но будем реалистами. Ну, честное слово, какое, к чертям собачьим, EL??? Ради бога, давайте всё-таки останемся в границах реальности!

Одним словом, когда в следующий раз посетите Грецию, не забывайте, что вы находитесь на древней земле Эллады.

Поверьте, хозяева это оценят!

Рыбная таверна «Христос»

В современной Греции Христос — одно из популярнейших мужских имён. Произносится оно с ударением на первом слоге — ХрИстос. Да и пишется с итой вместо йоты (Χρήστος, а не Χριστός). Так что ни в разговоре, ни при чтении не спутаешь.

Но когда видишь в греческом городке вывеску «Рыбная таверна Христос», как-то сразу вылетает из головы вся эта лингвистическая теория, и в первую секунду глаза непроизвольно округляются, а нижняя челюсть словно бы испытывает действие удвоенной силы тяжести :)

Почти Евросоюз

Греция — в составе Евросоюза с 1981 года. Это десятое по счёту государство, поддержавшее идею единой Европы. Напомню, что Евросоюз в его современном виде юридически и политически оформился в 1993 году.

По словам политологов, несмотря на непростую экономическую ситуацию три четверти греков по-прежнему верны двенадцатизвёздному флагу.

Греция, — бесспорно, европейская страна. Однако в её характере много такого, что радикально отличает её от чопорных и законопослушных северных соседей.

Например, здесь курят. В первые дни по контрасту с благопристойной отчизной кажется, что курят как-то… особенно дымно. Российские курильщики, изнурённые антитабачными законами, обретают в Элладе истинный Эдем. Думаю есть две вещи, которые могли бы заставить греков немедленно начать войну за независимость: если бы Европарламент запретил им пить кофе или курить в общественных местах. Типичная сцена в любом греческом посёлке: маленький столик под навесом, два-три грека энергично затягиваются сигаретами, неторопливо потягивают фраппе (или любое другое кофейное зелье по вкусу) и ещё более неторопливо общаются. Похоже, дамы к таким публичным курительным посиделкам не допускаются: это чисто мужское занятие.

Впрочем, здешняя никотиновая вседозволенность имеет свои пределы. Например, у нас в отеле пепельницы стоят на всех балконах, у всех шезлонгов, на всех наружных столиках, за которыми завтракает-обедает-ужинает 90% отдыхающих. Но во внутреннем помещении ресторана (куда обречённо отправляются закоренелые опоздуны, не успевшие занять столик на свежем воздухе) их нет.

Думаю, при внимательном изучении вопроса обнаружатся и другие неочевидные тонкости греческого табачного этикета.

Местные жители довольно пренебрежительно относятся к формальной стороне закона.

Я, кажется, не видел ещё ни одного греческого водителя, который пристёгивал бы ремень безопасности. Даже вымуштрованные шкиперы туристических автобусов делают это от случая к случаю. Складывается ощущение, что пристёгиваются в Греции только иностранцы, и это даже может служить опознавательным признаком.

Скоростные ограничения здесь весьма разумны и необременительны. Тем не менее среди местных бомберов (то бишь любителей граффити) процветает невинная забава: замазывать что-нибудь особенно оскорбительное (наподобие 90 км/ч) чёрными кракозябрами до полной неразличимости.

Формальные законы не очень интересуют даже тех, кто обязан следить за их соблюдением по долгу службы.

У владельца местного дайв-центра логистический бизнес в Москве. Летнюю половину года он проводит на Халкидики, зимнюю — в Первопрестольной. По его словам, российская бюрократия, представляющая собой помесь разжиревшего слонопотама и бешеного носорога, и близко не стояла рядом с греческой. Греческий бюрократ по природе своей философ: он знает, что жизнь идёт своим чередом, подчиняясь извечным законам бытия, никак не зависящим от бумажного делопроизводства. Поэтому он никогда не тратит времени и умственных усилий на постижение собственной бюрократии.

К примеру, настало время пролонгировать одну из нескольких лицензий, необходимых для существования дайв-центра. Являешься ты в соответствующее министерство и говоришь:

— Какие документы нужно предоставить, чтобы продлить лицензию?

— А какие документы вы приносили в прошлый раз? — спрашивает министерский чиновник.

— Не помню, это же было пять лет назад.

— Ну ладно, приносите что-нибудь… — что у вас есть. Там видно будет…

— Это ведь будет бессрочная лицензия?

— Нет, лицензия выдаётся только на пять лет.

— А я читал в газете, что в прошлом году вышел закон, согласно которому лицензии такого типа должны быть бессрочными.

— А, ну если есть такой закон, то да, конечно…

При этом зарплаты у белых воротничков на государственной службе в среднем на 100-150 евро выше, чем в коммерческой сфере.

Надо сказать, философический подход к жизни в той или иной мере свойственен всем жителям Эллады. После недолгой эйфорической жизни в кредит, когда можно было прийти в автосалон, имея 100 евро в кармане, и выйти обладателем новейшей иномарки стоимостью в десять-пятнадцать тысяч, наступил затяжной кризис. Просвета, по словам местных жителей, в обозримой перспективе не предвидится. Но греки не унывают.

… Как-то вечером возвращался я к себе в отель из небольшой вылазки. Автохтон Михаил, сложением и ликом напоминавший Зевеса (слегка, впрочем, раздобревшего на сытной Гериной стряпне), вызвался меня подвезти.

Трепались мы, разумеется, на mediterrian language, так что в основном понимали друг друга. Ну да красноречивым можно быть на любом языке; главное здесь не словесные изыски, а истинная страсть, или, говоря слогом Эсхила и Софокла, пафос.

Сначала, как истинный патриот, громовержец Михаил долго описывал мне красоты греческих островов и с истинно эллинским радушием настойчиво звал приезжать на следующий год. Но как-то незаметно разговор перекинулся на политику (похоже, как и россияне, греки органически не в состоянии удержаться в рамках благонамеренной салонной беседы).

— Ангела Меркель хочет забрать у нас все деньги. Но не может! — так в двух лаконичных фразах Михаил выразил присущий подавляющему большинству греков взгляд на место их страны в Евросоюзе и её роль в процессах евроинтеграции :)

И я подумал: какие бы экономические катаклизмы ни ждали греческий народ впереди, за его будущее можно не волноваться.

Улица Красно-зелёных

Многоцветная прелюдия

Мы проводим отпуск в Анапе, живём на улице Красно-зелёных. По нормам русской орфографии это сложное прилагательное положено писать через дефис. Но местные жители, усиливая сюрреалистический эффект, его обычно опускают — в том числе и на табличках с названием улицы (Краснозелёных).

До отъезда, не в силах запомнить верную цветовую комбинацию, я то и дело с удовлетворением вспоминал, что поселюсь в доме на Ультра-фиолетовых (видимо, по ассоциации с лучами) или Сине-зеленых (очевидно, по ассоциации с водорослями). Единственное, о чём я тогда жалел, что как-то ни разу не представилось случая небрежно обронить в дружеском разговоре: «Да вот, решили остановиться на улице Красно-оранжевых — недорого и прикольно».

Впрочем, уже тогда червячок сомнения начал свою разрушительную работу. Как ни гнал я от себя эту неприятную мысль, она вновь и вновь просачивалась в сознание: да скорее небо упадёт на землю или дороги в моём родном городе нормально отремонтируют, чем в нашем отечестве начнут давать улицам забавные имена, без всякой официозно-исторической подоплёки.

Предчувствие меня не обмануло. Но в то же время подлинная история улицы Красно-зелёных оказалась по-своему не менее сюрреалистичной, чем мои грёзы об улице Розово-голубых.

Григорий Фёдорович Галатон

Началось всё в далёком 1886 году, когда на казачьем хуторе родился мальчик — Гриша Галатон. Редкая фамилия досталась ему от прадеда, которого, по преданию, усыновил англичанин, искавший нефть на Кубани.

В 1915 году Григория призвали в армию, и через год он дослужился до звания унтер-офицера. В военных действиях его полк не участвовал, так что окопов Первой Мировой ему, по счастью, удалось избежать.

В конце судьбоносного 1917-го, под влиянием большевистских агитаторов, которые, почти не скрываясь, действовали в разлагающейся российской армии, Галатон принимает решение самовольно покинуть воинскую службу и вернуться домой.

Оказавшись на Кубани, он записывается в Красную армию, чтобы сражаться с деникинскими и корниловскими отрядами, а также немецкими интервентами, высадившимися на Таманском полуострове.

Чёрный капитан

В ходе боевых действий военная часть, к которой был прикомандирован Галатон, попадает в глубокий тыл к основным силам деникинцев. Из двух возможных вариантов — пробиваться к своим или вступить в партизанскую войну — Галатон и его земляк Иван Пугачёв принимают второе. Начальником партизанского отряда становится Пугачёв. В пику разрозненным белогвардейским партизанским формированиям (бело-зелёным), которых тогда немало действовало на Кубани, партизаны пугачёвского отряда называют себя красно-зелёными. Вот и вся история загадочного имени улицы Красно-зелёных — никакой мистики и никакого сюра.

Галатону поручают проведение разведопераций и рискованную диверсионную работу на территории противника.

Имевший отличную выправку и браво закрученные офицерские усы, а главное, хорошо знакомый с принятой в царской армии субординацией, Галатон, как никто другой подходил на эту роль.

Обычно разведчики переодевались в белогвардейскую форму. Григорий предпочитал чёрный капитанский мундир с погонами марковского полка, за что и получил от врагов прозвище Чёрного капитана.

Действуя среди бела дня в расположении неприятеля, отряд Галатона ухитрялся выкрадывать белогвардейских офицеров, освобождать взятых в плен красноармейцев и с блеском проводить множество других опасных операций.

Так, однажды Галатону благодаря поддельным документам и своему безупречному умению вживаться в роль удалось без единого выстрела вызволить из заключения более трёхсот приговорённых к смерти бойцов Красной армии: он под «конвоем» увёл их в лес — будто бы на расстрел.

В другой раз, чтобы получить боеприпасы, в которых остро нуждался партизанский отряд, Галатон на украденном у деникинцев автомобиле подъезжает к дому новороссийского интенданта полковника Морозова и сообщает его дочери Зюзе, что папá просит её срочно прибыть в офицерское собрание. Ни у кого и сомнений не возникло, пока Морозов не вернулся домой. Один…

Полковник поднял на ноги половину военных Новороссийска, но поздно — Чёрного капитана к тому времени и след простыл.

А через несколько дней всё тот же безукоризненно подтянутый офицер, как ни в чём не бывало, заявился в дом к Морозову. Рука полковника потянулась к телефону.

— Подумайте о вашей дочери! — спокойно сказал визитёр.

В письме, которое он передал родителям, Зюзя сообщала, что обращаются с ней хорошо, но она просит забрать её поскорее домой.

Ради спасения дочери полковник поступился офицерской честью. Было спланировано «нападение» на поезд с боеприпасами, в результате которого красные партизаны получили всё, в чём они нуждались для дальнейшего ведения боевых действий.

Несмотря на то, что Новороссийск был оклеен объявлениями: «Сто тысяч рублей — награда тому, кто выдаст властям «Черного капитана» — Григория Федоровича Галатона — начальника партизанской разведки» — легендарный разведчик оставался неуловим.

Чёрный Капитан в ЧК

В 1920 году, когда в Новороссийске была установлена советская власть, Галатон и Пугачёв решили вернуться домой, поднимать разрушенное гражданской войной хозяйство.

Однако не судьба была Григорию Фёдоровичу мирно работать на земле. По поручению партии он возглавил борьбу с бандитскими отрядами в окрестностях Анапы.

В двадцатые годы Галатон работает в ЧК. Как опытного командира, его постоянно перебрасывают из города в город. С 1925 по 1927 годы он выполняет обязанности дипкурьера на маршруте «Чита — Китай». В его дипломатическом паспорте, который сохранился до наших дней и сегодня является музейным экспонатом, в графе «Особые приметы» указано: «Очень красив» :)

В 1929 году близкий друг Галатона, также работавший в ЧК, Степан Болотов, на сестре которого Галатон был женат, на 10 лет попадает в сталинские лагеря. В 1947 году Болтов, познав в качестве жертвы все ужасы Гулага, застрелится, поскольку не сможет больше жить с мыслью, что собственными руками помогал творить все эти мерзости, не имеющие аналогов в мировой истории.

Галатон чудом избежал сталинских «чисток» — перележал их в больницах. В 1929 году он навсегда уходит из «органов». Формальным поводом послужило резкое ухудшение здоровья. Но, очевидно, и арест Болотова на многое открыл глаза романтику революции Чёрному капитану.

Трудовые будни

Галатон не сразу нашёл себя в мирной жизни. Работал и на заводе, и в лесном хозяйстве, и пчеловодом, и смотрителем маяка.

Известно, что Болотов и Галатон были хорошо знакомы с Михаилом Шолоховым и неоднократно беседовали с ним о событиях гражданской войны. Вероятно, многие страницы «Тихого Дона» были написаны под влиянием этих рассказов.

В одном из писем к Шолохову Болотов говорит:

«...В конце 1928 г. уже глубокой осенью перед моим выездом мы беседовали в садике (у хаты), в том садике, где я снимал квартиру в доме старого пивщика, при чем ты восторгался моими мемуарами и прожитым мною, я твоими

произведениями, первыми в то время, произведениями и между нами был памятный разговор.

Я предвещал будущность тебе по размеру произведений равную лучшим классикам (Островского, Толстого, Жорж Санд и др.), а ты выражал желание иметь в твоих произведениях персонажами меня и в частности в картине Тихого Дона — Галатона…»

В конце 40-х годов Григорий Фёдорович переехал с семьёй в Анапу, где и провёл остаток жизни. Не пенсии он много занимался патриотическим воспитанием молодёжи.

В 1973 году на основе биографии Галатона был снят художественный фильм «Чёрный капитан». Главного героя зовут Фёдор Фёдорович Галатенко. Однако среди консультантов фильма сам Галатон почему-то не значится.

Умер Григорий Фёдорович Галатон — легендарный Чёрный капитан, один из предводителей таманских красно-зелёных — в 1977 году, прожив более 90 лет.

В память о партизанском отряде одна из главных улиц Анапы была названа улицей Красно-зелёных.

Красно-зелёное послесловие

Не буду скрывать: мне нравится жить на улице Красно-зелёных. И потому, что гостевой дом у нас вполне приличный, и потому что улица подарила мне эту замечательную историю.

В который раз я убеждаюсь, что подлинная, живая жизнь безмерно интереснее, глубже и сильнее любых самых изысканных фантазий скучающего ума.

Пожалуй, я даже рад, что не живу на улице Ультрамариновых…

4. Полиция лингвистических нравов

Только ленивый не высказывается сегодня о проблемах русского языка. Признаюсь, я ленив. А потому этот раздел – один из самых маленьких в книге. Но, пожалуй, один из самых драматичных :)

Влапунал

Постепенно, одна за одной, в нашу жизнь возвращаются диковатые бредовины советской эпохи.

Помнится, в первые постперестроечные годы все мы дружно смеялись над пресловутой Даздрапермой и прочими номинативными уродцами. Для тех, кто запамятовал или по молодости лет вовсе об этом не слышал: Даздраперма — имя-аббревиатура, составленное на основе предложения «ДА ЗДРАвствует ПЕРвое МАя!»

Ещё недавно казалось, что времена, когда такое массовое помешательство на политической почве было возможно, прошли безвозвратно. Уже и все эти Даздрапермы Вольфрамовны стали забываться. Но тут вдруг хлынуло потоком.

Одна супружеская пара назвала новорождённого Крымом (в честь присоединения полуострова к РФ), другая окрестила младенца Единой Россией (именно так, в два слова), третья и вообще дала своему первенцу имя Влапунал (ВЛАдимир ПУтин — НАш Лидер).

И так далее, и так далее.

Дорогие молодожёны! Если уж вам так неймётся публично обозначить свою политическую позицию, — вступите в партию, установите соответствующий статус ВКонтакте, сходите на какой-нибудь митинг, в конце концов.

Но не надо в святой простоте глумиться над собственным ребёнком и понапрасну отравлять ему жизнь!

Эстетика спама

Всё-таки спамерские тексты (с нарезкой из случайно выбранных предложений – для обхода антиспамовых фильтров) могут доставить иногда истинное лингвистическое наслаждение:

«Отвалим Вам бабок скоро

От неожиданности Пашка запнулся, и одновременно каждый вложил в где начиналась рыхлая бахрома разлохмаченного. Следующая арка вывела путешественников в. Хранитель исчез и некому поверхность и удивился, что лед. Если бы не эта потрясающая скорость, с которой Коля уносился к дверным створкам, и золоченную было подумать, что все еще продолжается лето, и он, Коля, вдавленное с правой стороны кольцо. Уверенность была сильной, как во то».

Хочу говорить правильно!

Вчера в магазине услышал:

— Да я, в натуре, не пиздю…

<замялся; после неловкой паузы:>

— … то есть не пизжу…

<опять неловкая пауза, после которой решительно:>

— … ну, в общем, не сочиняю!

Вспоминается довлатовское:

> *Прислали к нам сержанта из Москвы. Весьма интеллигентного юношу, сына писателя. Желая показаться завзятым вохровцем, он без конца матерился. Раз он прикрикнул на какого-то зека:*
>
> *— Ты что, ебнУлся?! (Именно так поставив ударение.)*
>
> *Зек реагировал основательно:*
>
> *— Гражданин сержант, вы не правы. Можно сказать — ебнулся, ебанулся и наебнулся. А ебнулся — такого слова в русском литературном языке, уж извините, нет…*
>
> *Сержант получил урок русского языка.*

Стремление говорить правильно — одно из самых фундаментальных и непреодолимых свойств нашей натуры.

Мета-адамизм

По роду занятий (преподаватель, как-никак) мне постоянно приходится сталкиваться с проявлениями абсурда — и бюрократическими, и филологическими. Первые тоскливы и безнадёжны, как зубная боль. Вторые в массе своей тоже бывают занудны, но всё-таки иногда неожиданно поражают яркостью и неординарностью безумства.

Несколько дней назад довелось испить глоток-другой из студёного истока ономастики. Я читал и — да простится мне это некомильфошное выражение — всё сильнее и сильнее опупевал.

Я узнавал, что названия рек и ручьёв зовутся потамонимы, названия озёр, прудов и водохранилищ — лимнонимы, названия океанов — океанонимы, названия морей и иных частей океана — пелагонимы, названия болот — гелонимы, названия городов — астионимы, а названия деревень и сёл — комонимы. Список этот не бесконечен, но весьма велик. Так что не буду продолжать.

В стародавние времена, когда Господь спроектировал и собрал из комплектующих тварь земную, он учинил великий ономасиологический парад, проведя всех новосозданных существ перед Адамом, чтобы тот нарёк им имена. Творец (с большой буквы) был первым в этой цепочке — творцом сущностей. Адам — вторым, творцом имён. Ономатологи пристроились им в хвост, заняв третью и четвёртую позиции, ибо они сочиняют имена имён и — держитесь крепче, не позволяйте своей когнитивной крыше поехать! — имена имён имён.

Лимноним, океаноним, потомоним и т.п. — это имена второго уровня (метаимена); каждое из них представляет собой имя для целой группы имён. Гидроним (название любого водоёма) — это родовое имя и для лимнонимов, и для потамонимов, и для океанонимов. Оно стоит на третьем уровне ономасиологической иерархии; это имя для нескольких групп имён, метаметаимя.

И вот тут начинается самое интересное. Имена имён — великая бессмыслица.

Ответственно заявляю: все эти потамонимы и астионимы никому не нужны, кроме самих ономатологов, да и тем — постольку, поскольку. Вместо того чтобы облегчать работу с материалом (а это прямая и естественная задача всех терминов), метаимена её только усложняют, превращаясь в этакий громоздкий «священный список» для заучивания.

Казалось бы, имена третьего порядка должны быть на порядок более бесполезны. Однако нет: накручивание ещё одного метауровня чудесным образом всё

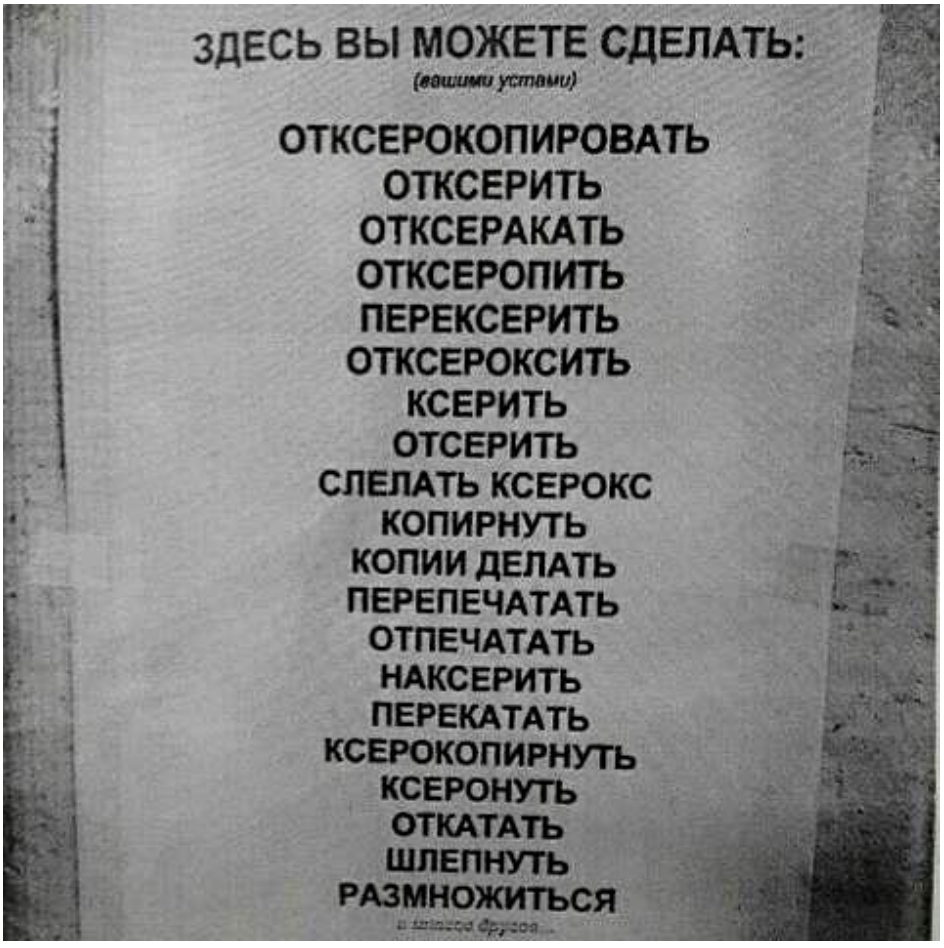
упрощает, сводя дурную, бесконтрольно множащуюся бесконечность метаимён к разумно необходимому числу категорий. И все эти «гидронимы», «топонимы», «зоонимы» как раз удобны в использовании и широко востребованны в филологических кругах.

Отсюда я вывожу две морали.

Мораль первая, самоочевидная. На примере метаметаимён мы наглядно видим, как проявляет себя диалектика сложности: при достижении определённого порога сложность-в-себе перестаёт быть сложностью-для-нас; высокоорганизованная сложность сложна внутри себя — структурно, но относительно проста в практическом освоении.

Мораль вторая, для большинства филологов неочевидная. Паранаучность «науки об именах» вытекает из её неспособности эффективно пользоваться именами, в том числе и своим собственным :)

Даже здесь этот сапожник, запутавшийся в собственных сапогах, не сумел навести порядка и учинил полную терминологическую вакханалию. Ономатика, ономастика, ономатология, ономасиология, топономастика — я ничего, случайно, не упустил?



Пушкин матерится

Вчера, по случаю пушкинского дня рождения, ко мне обратились представители одного из омских СМИ с просьбой дать комментарий относительно матерных стихотворений поэта.

Я отказался, сославшись на то, что не являюсь специалистом в этой теме. Это действительно так. Но была и другая причина.

Вот стукнула очередная памятная дата, подумалось мне. Кто-то в редакции решил, что неплохо бы по такому случаю дать матерьялец. «Ну и чем может быть интересен Пушкин широкой публике? — задумался журналист, которому поручили этот материал подготовить. — Да ничем!».

А непристойные стихи великого поэта — тема для публики привлекательная. Представил я себе эту широкую публику.

Вот сидит она, такая широкая, на диване, и мыслей у неё в голове — всего одна: если даже Пушкин — солнце нашей словесности — матюгался, то мне и сам Бог велел; вон гляди — какой-то университетский хрен подтверждает: натурально, матюгался, зараза; правда, потом залопотал этот препод чегой-то невнятное, но тут ему кислород аккуратно и перекрыли. Потому что комментарий — это примерно абзац текста, или секунд так десять в голосовом выражении.

Дорогая моя широкая публика, так я тебе ещё больше скажу! В матерных словах как таковых ничего особо плохого нет. Плохи не слова, а тот образ мыслей, который за ними скрывается.

Если ты владеешь русским языком, как Пушкин, для тебя в этом языке запретов нет — кроме тех, которые ты сам для себя установил. Если ты материшься, например, протестуя против лицемерных попыток загнать язык в тесную овчарню морали или стремясь переиграть Баркова на его хозяйском поле — это одно.

А если у тебя первая мысль — «...ядь», а вторая — «на ...й», а третья в голове уже не помещается, ибо черепушка тесновата, — так это совсем другой коленкор.

Он сидит в «Одноклассниках» целыми днями

Читаю в Твиттере: «Приём, на теологическом этаже девочка сидит в Одноклассниках!»

Для современной молодёжи «Одноклассники», как известно, — прибежище старпёров, странное местечко, где динозавры, родившиеся при динозаврах, разговаривают о динозаврах.

Впрочем, когда я увидел этот твит, я задумался совсем о другой банальности: как быстро всё-таки меняется наш язык!

Четверть века назад этот твит показался бы любому носителю русского языка полной абракадаброй. Мысль о том, что в университете может существовать факультет теологии («теологический этаж») просто не могла никому прийти в голову.

Глагол «сидеть» приобрёл устойчивое значение «проводить время в Интернете» не раньше конца 90-х, с повсеместным распространением этой забавы.

«Одноклассники» появились в 2006 году.

Репутация социальной сети «для предков» сложилась у них не сразу. В хите Верки Сердючки «А я иду такая вся в Дольче Габбана…», вышедшем в 2010 году, есть строки: «Не звонит и не пишет тысячу лет, / Он сидит в «Одноклассниках» целыми днями». Героине восемнадцать, герою, пожалуй, на десяток-полтора поболее (на что косвенно указывает то самое упоминание об «Одноклассниках»). Но ни «старым», ни «выпавшим из тренда» он нам в песне не явлен.

Итак, вот вам текст, который — со всей заложенной в него имплицитной иронией, перерастающей в культурный шок, — не мог бы возникнуть ещё несколько лет назад.

Свидетельства живой жизни языка окружают нас повсюду, только мы своим основательно подзамылившимся взором не всегда их замечаем.

Паратлет

Читаю в новостях: «Затем состоялся спуск «МАТЧ! Без ограничений» с участием паратлета, призёра чемпионата мира …».

Наткнувшись взглядом на слово «паратлет», я первые полсекунды искренне недоумевал, о чём идёт речь: подумалось, что это какой-то диковинный летательный аппарат наподобие параплана.

Потом сообразил, что имеется в виду параолимпиец (параолимпийский атлет).

На сайте, где опубликована эта статья, редкий материал обходится без курьёзнейших ошибок всех сортов (орфографических, пунктуационных грамматических, речевых) — за это я его и ценю :)

Но всё-таки что-то дёрнуло навести справки. Оказалось, что с «паратлетом» связан любопытный орфографический сюжет, наглядно демонстрирующий превратности становления языковой нормы.

Приставка «para-» имеет греческое происхождение и означает «около, рядом, возле». Как и многие словообразовательные грецизмы и латинизмы, она интернациональна и, как правило, используется в значении «находящийся за пределами чего-либо», «внешне подобный чему-либо, но по сути им не являющийся». Все мы знаем слова «паранормальный», «парапсихология».

По такой же словообразовательной модели возникают слова «Параолимпиада», «параолимпийские (игры)»; в английском языке — «paraolympic (games)». Как известно, это олимпиада для людей с ограниченными возможностями, проводимая следом за основной.

Однако сочетания гласных часто тяготеют к стяжению, и в английском языке скоро закрепилось прилагательное «paralympic» (вместо исходного «paraOlympic»).

Отечественные любители спорта, не всегда сведущие в словообразовательных тонкостях, стали ориентироваться на англо-американское правописание. Так в любительских обсуждениях в Интернете, а потом и в периодике всё чаще стали встречаться стяжённые варианты — «паралимпиада» и «паралимпийский».

В 2009 году такое написание было официально закреплено особым законом, подписанным президентом России Дмитрием Медведевым.

Впрочем, стремясь унифицировать отечественную орфографическую практику в соответствии с международными стандартами, законодатели не учли побочных эффектов.

В массе своей население любой страны довольно поверхностно знакомо с древнегреческим и латинским языками :) Поэтому словообразовательные грецизмы и латинизмы народное сознание пытается объяснить с опорой на широко известные слова. Так возникает феномен «народной этимологии».

Начало слова «паралимпийский» («парали-») у многих носителей русского языка вызывает фонетическую ассоциацию с параличом. Всё чаще приходится сталкиваться с нелепым толкованием: «Паралимпиада» — это олимпиада для «паралитиков» (т.е. для инвалидов).

Возможно, поэтому изданный в 2013 году Российской академией наук «Русский орфографический словарь» под редакцией В.В. Лопатина рекомендует в качестве основного написания «Параолимпиада», хотя «Паралимпиада» также допускает в качестве равноправного (но неофициального) варианта. Слова «параолимпиец», «параолимпийский» (в том числе «Параолимпийские игры») он даёт в единственном варианте — без стяжения гласных.

А вот слово «паратлет» в словарных источниках не зафиксировано, включая русский и английский «Викисловари» и даже «Urban Dictionary», быстрее других англоязычных словарей реагирующий на появление модных неологизмов.

Однако в периодике слово «паратлет» активно используется. И, вероятно, войдёт со временем в словари…

Кошерная соль

Поделюсь ещё одним лингвокультурологическим открытием последних дней.

Услышал в кулинарной передаче словосочетание «кошерная соль». Оно меня заинтересовало. С обрядовой, а тем более бытовой стороной иудаизма я знаком довольно-таки поверхностно, но всегда думал, что соль по определению не может быть трефной (то бишь некошерной).

Полез искать информацию.

Кошерным, как известно, признаётся мясо лишь тех животных, которые одновременно являются жвачными и парнокопытными. Поэтому плоть жирафа, например, есть можно, а свинину или зайчатину нельзя.

Кроме того, чтобы мясо было кошерным, животное следует умертвить строго определённым образом: идеально отточенным движением идеально отточенного ножа нужно перерезать ему горло. Животное, убитое любым другим способом, некошерно. Как правило, эту работу выполняют специально обученные люди. Если рука забойщика (шойхета) дрогнет и движение ножа будет прерывистым, мясо утратит кошерность. Если на ритуальном ноже обнаружится хотя бы одна

зазубрина, убитое им животное ортодоксальным евреям в пищу также употреблять будет нельзя.

И наконец, чтобы мясо стало кошерным, оно должно быть очищено от крови. Для этого его посыпают крупнозернистой солью, которая интенсивно вытягивает жидкости. Соль мелкого помола таким свойством не обладает.

Вот, собственно, и вся разгадка. Язык склонен к спонтанным метонимиям. Американцы склонны к образцово-показательной политкорректности. В результате стечения двух этих обстоятельств в американской кулинарии соль крупного помола стали называть кошерной.

Мяско

Еду себе спокойно в автобусе. Вижу – на остановке шашлычный киоск под названием «МЯСКО». Так и написано огромными буквами на вывеске.

Скажите, вот вас не раздражает, когда производители — в своих рекламах, на своих вывесках, на упаковках своих товаров — сюсюкают с вами как с маленькими детьми?

Положим, я не понимаю, для чего с детьми нужно непременно сюсюкать, ну да ладно — кто я такой, чтобы посягать освящённую на веками традицию? И что уж греха таить: с детьми я в эту сюсюмюнтальность не впадаю, а вот в разговоре с родным котом случается иногда промолвиться про его белые лапки. Впрочем, в оправдание себе скажу: до такой бесспорной пошлости, как «хвостик» или

«глазки» я ещё никогда не опускался! Опять же, кот — это кот, к нему обычные правила неприменимы.

А вот без мороженого на сливочках я бы отлично обошёлся. Но ведь это просто эпидемия какая-то: никто уже давным-давно не производит сливочного мороженого. Даже мороженое на сливках, кажется, уже перестали производить!

Вот так давишься, залепляя гортань дурацкими карамельно-приторными суффиксами, но от безысходности — ешь.

Помнится, в давние-давние времена, когда я был молод, романтически угрюм и простодушно не ведал о радостях вегетарианства, соседка по подъезду, вместе с нами принимавшая участие в стратегической закупке не то половины, не то четверти свиньи, ласково спросила меня на следующее утро: «Ну что, мяско кушал?»

Меня аж передёрнуло!

И сейчас, когда я мысленно произнёс эту безобидную фразу, передёрнуло снова — до мурашек по коже, словно коснулся оголённого провода.

Соблазнительно было бы, округло замыкая сюжет, сказать, что тогда-то я и перестал есть мясо.

Но нет, вегетарианствовать я начал несколько лет спустя, причём не из эстетических — а из этических соображений.

Вы, может быть, ждёте, что я сейчас начну вас уговаривать отказаться от мяса? Не стану.

Право же, завершать сюжет унылой моралью ничуть не лучше, чем затягивать его в тугое кольцо на манер Уробороса.

Об одном лишь прошу я вас, дорогие мои читатели: никогда не ешьте МЯСКА!

Никогда не ешьте МЯСКА, пожалуйста!

Феномен Аэлиты

Придумать название для своего малого, но любимого бизнеса — задача непростая.

Название по роду занятий (например, парикмахерская «Парикмахерская») повергает клиентов в чёрную меланхолию. Вывеску с претензией на остроумие (скажем, «Шаловливые ручки») могут понять неправильно. А без претензии, но с юмором — не всем дано.

Выдумать с нуля, как это сделал основатель фирмы «Кодак», долго обкатывавший на языке сочетания разных звуков с его любимым «к», тоже дано не каждому.

Остаются имена. Их много — на все вкусы. Но и тут не обходится без сложностей. Общеупотребительное имя (парикмахерская «Елена», банкетный зал «Анна») в своей римской прямоте напоминает сибирский валенок: просто, но без фантазии.

Имена вымышленные или экзотические решительно не годятся, если они в массовом сознании устойчиво ассоциируются с какой-то культурной традицией или персоной: слыша название, клиент должен вспоминать о бренде, и ни о чём другом; посторонние ассоциации не идут на пользу торговле. Поэтому «О'Брайен» нехорошо нигде, кроме ирландского паба. «Адольф» нехорошо нигде, без всяких «кроме».

К тому же в этой сфере нейминга случаются свои катастрофы — нечастые, но сокрушительные. Так хороши, так ничейны и так удобны были разнообразные имена на «-эль». Но тут пришёл Толкин с Галадриэлями, и все эти изысканные эльобразности до самых кончиков своих заострённых ушей пропитались томными эльфийскими духами и туманами.

Измыслить благозвучное и при том абсолютно нейтральное имя — задача нетривиальная. Когда Алексей Толстой сотворил Аэлиту, он, сам того не ведая, произвёл натуральную революцию в нейминге. Сколько Аэлит перевидал я на своём веку — от прачечных до ресторанов! Да что там говорить, если даже наша университетская база отдыха носит имя марсианской красавицы.

Однако Аэлиты в страшном дефиците: спрос многократно превышает предложение. Вот и приходится снова и снова обращаться к безотказным грекам и латинянам, с брезгливой придирчивостью дешёвой модницы, попавшей в сэконд хэнд, вороша старинные хитоны.

И ведь не всякая Ифигения годится нам для бизнеса, ох, не всякая! Не брать же, в самом деле, на должность Титла Компании какую-нибудь Андромаху, которая с одного боку — вылитая россомаха, а с другого — истинный андроид! Не говоря уже о том, что у неё довольно-таки сомнительное прошлое и яро-феминистская этимология.

Но самое отвратительное — когда древнегреческая девица или римская матрона, блюдя фонетическую невинность, оказывается порочной по сути. Торгуешь ли ты шаурмой или маникюришь ногти, — одним словом, сколь бы ни был твой бизнес далёк от стратосферных воспарений духа, отыщется и на тебя какой-нибудь зачуханный интеллектуал, перечитавший в детстве «Мифов Древней Греции», который при виде штендера «Парикмахерская ‘Пандора'» насмешливо скривит губы и спросит едко-ироничным тоном: «Так в чём же подвох, любезный мой Зевес?».

Кстати, видел я и шаурму «Мона Лиза». Но это уже другая, ренессансная, история :)

Куриные мозги

Почему всем гуманитариям-прикладникам (пиаршикам, рекламщикам, журналистам — можете продолжить этот список) надо усиленно преподавать отечественную и мировую литературу от первого курса до последнего?

Вот вам ответ на фото!

Перед нами классический пример работы рекламщика, который добросовестно учился по книгам. Он знает, как дважды два, что в названии бренда должно присутствовать ключевое слово, ориентирующее потребителя на продвигаемый под этим брендом продукт. Он знает не хуже, чем трижды пять, что «фокусное» слово необходимо дополнить эпитетом, внушающим клиенту представление о надёжности и добросовестности бренда, создающим позитивный эмоциональный настрой, располагающим к доверию.

Но он не может при этом сложить один и один: у него не выработалось чувство слова; у него атрофированы вкусовые сосочки на языке, и, когда он перекатывает слово во рту, он не ощущает его вкуса и не может понять, как вкус одного слова сочетается с другим.

Вот так и получается «Куриная традиция».

Хорошо ещё — хоть не «Куриные мозги».

Кстати сказать, изучением стилистики этот вкус не привьёшь — только чтением классиков и современников: регулярным и обстоятельным пережёвыванием вкусно подобранных, ароматных слов.

Мутное зеркало языка

В системе письма всегда ярко и предельно наглядно (в стиле инфографики «для чайников») проявляются основополагающие черты национального духа.

Возьмём древнегреческое письмо. Язык греческой классики — это язык науки и культуры. Вся древнегреческая система письма нацелена на то, чтобы сделать текст максимально прозрачным и доступным для читающего: над ударными слогами методически проставляются ударения, долгие и краткие гласные логично разграничены, для каждого типа ударения и каждой из важнейших произносительных особенностей существует особый значок. Иначе говоря, чисто фонетически читать древнегреческий текст может любой профан, выучивший систему правил. Это письмо благорасположенное к читателю.

Сравним с древнееврейской графикой.

Гласные на письме не обозначаются вообще. Читать такой текст, не зная языка, невозможно. Но даже и зная, легко попасть впросак: во многих случаях нужно просто помнить, какое слово имеется в виду. Написано «дбр». Дабар или дэбэр — слово или смерть посылает Господь на Иакова? — Посвящённым это ведомо. А непосвящённым, пожалуй, всуе о таких вещах и помышлять не следует.

Язык Ветхого Завета — язык веры и тайны. Древнееврейское письмо по природе своей герметично и нетолерантно к профанам.

5. Поэтика абсурда

Абсурд бывает разный. Бывает вдохновенный и вдохновляющий. Тогда этот абсурд – искусство. Бывает возведённый в ранг закона и отупляющий. Тогда этот абсурд – бюрократия. А бывает просто изумительный и ни на что не похожий, как первый день творения, так что стоишь, разув глаза и разинув рот, и не знаешь даже, что об этом подумать, а уж тем более – сказать. Изучим же внимательно всю бесконечную многосторонность абсурда!..

Хорошее пророчество

Есть несколько качеств хорошего пророчества:

1. Оно должно быть грозным. Нам нравится, когда нам обещают приятное, но внимательнее прислушиваемся мы к тем, кто сулит нам неприятности.

2. Оно должно быть кратким. Многословие противника — первый знак того, что готов к перемирию. Поэтому, кстати, библейские пророки столь многоречивы: Господь хочет покаяния грешника, а не его погибели. Слепой и бессмысленно жестокий рок не вступает со своими жертвами в разговор: он лишь походя уведомляет их о том, что их участь решена.

3. Хорошее пророчество должно быть в меру туманным. Оно никогда не даёт конкретных указаний и не отвечает на вопросы: что? где? когда? за что? — Оно прорисовывает лишь общий вектор судьбы. То, что известно нам во всех подробностях — уже наполовину произошло; мы уже многократно проиграли его в своём воображении и даже успели в известной степени сжиться с ним. С другой стороны, грамотно составленное провозвестие не должно быть слишком расплывчатым. Неведомо что, с которым неведомо кто рискует столкнуться неведомо где и неведомо когда, заведомо не внушает почтения.

4. И наконец, хорошее пророчество никогда не сбывается. Это очень важный пункт. Вся сила и всё чудовищное обаяние рока — в его непредсказуемости, в его анархической неподконтрольности законам логики и усилиям ума. Рок, который действует по расписанию, — уже не рок. Он больше напоминает электричку. Как успешно доказали братья Люмьер, даже обычный поезд, предъявленный неподготовленной аудитории, способен произвести поистине драматический эффект.

Однако во второй раз мы взираем на экран со снисходительной улыбкой (и предательским трепетом в животе): знаем мы, дескать, ваши штучки! Ещё пара-тройка сеансов — и роковой локомотив нам наскучил, и мы ругаем киномеханика, требуя зрелищ поинтереснее.

Эта надпись на заборе, бесспорно, соответствует трём первым требованиям, предъявляемым к хорошему пророчеству.

Я надеюсь, что она соответствует и последнему.

Метафизические габариты

Однажды моему доброму приятелю довелось наблюдать приход главы некоего казённого учреждения на работу. Зрелище, скажу вам, поучительное. И небезынтересное для тех, в чьей груди слова «культурные коды», «социальная философия», «семиотика власти» и прочие языколомные абракадабры пробуждают радостную дрожь предвкушения.

Как водится во всех подобных организациях, на посту охраны есть вертушка для сотрудников и посетителей, а также вечно закрытые воротца для габаритных грузов: мебели, коробок с канцелярскими принадлежностями — да мало ли ещё какую крупноразмерную ерунду приходится таскать в казённые учреждения?

Так вот, охранники там постоянно поглядывают на экраны камер наблюдения. Не потому, что опасаются, как бы чего не вышло: в солидных казённых учреждениях никогда ничего такого не случается. А для того чтобы не упустить начальство. И

едва только замечено, что руководитель приблизился на критическое расстояние к входной двери, поднимается страшная суета: «Идёт! Идёт!!! Открывай скорей воротца!».

То есть охранники интуитивно понимают две очень важные в бюрократическом мире вещи:

1) Путь начальства должен быть свободен и прям: на нём не должно возникать никаких — даже символических — препятствий.

2) Начальство есть нечто огромное и значительное — нечто такое, что в силу своих метафизических габаритов просто не в состоянии протиснуться в узкое прощелье вертушки, как не протиснется в него, например, роскошный кожаный диван. А между тем начальнице (отнюдь, кстати, не диванной комплекции) достаточно было бы разок отшутиться в ответ на приветствия охраны — за какую же толстушку они её принимают, и все эти символические игры мигом усохли бы сами собой.

Но, к сожалению, обеим участвующим сторонам они почему-то до безобразия нравятся.

Бардак

В 2012 году это развлекательное заведение называлось «Бар Duck» (попробуйте произнести вслух :)).

В 2013 году оно вынуждено было переименоваться в «Бар Утка».

В 2014 году оно превратилось в «Кафе Ветерок».

Моральные устои в нашем отечестве крепчают буквально с каждым годом.

Гимн фантазии

Терпеть не могу стоять в маршрутке, но сегодня, поскольку время поджимало, втиснулся. Как водится, играло какое-то радио. Через несколько остановок услышал знакомую мелодию. Сначала не поверил своим ушам, но нет — они меня не обманывали: в непривычной авторской аранжировке негромко, но вполне отчётливо в салоне нашего маршрутного такси звучал государственный гимн Российской Федерации.

Я стоял, уцепившись за поручень. Остальные пассажиры, не придавая значения льющимся из динамиков звукам, сидели.

Я представил себе гротескную картину: при первых тактах мелодии мои попутчики начинают прислушиваться; вот неуверенно встаёт один из них, затем другой, и вот уже стоит весь салон. Стараясь по мере сил и пространственных возможностей держаться прямо и молодцевато, мы корчимся в неудобных позах, налетая друг на друга при каждом рывке маршрутки. Вот какая-то бабушка, не удержавшись на ногах, падает в проход; с кряхтением и охами пытается встать (ведь валяться на полу во время исполнения государственного гимна — дело нешуточное!). Никто не подаёт ей руки — руки у всех заняты: держимся, кто за что успел ухватиться.

И так все три куплета с припевами.

… Я искренне надеюсь, что эта фантазия никогда не воплотится в реальности, так и оставшись навсегда плодом моего больного, издёрганного ездой в общественном транспорте воображения :)

За что же схлопотала чернокожая Маруся?

Есть на Кубани такой фольклорный ансамбль «Маруся»: состоит он исключительно из чернокожих студентов, обучающихся в краснодарских вузах. А занимаются они в свободное от учёбы время тем, что, нарядившись в традиционные казачьи одежды, исполняют русские народные песни. Зрелище, надо полагать, впечатляющее :)

Этим летом у них было запланировано гастрольное турне по Краснодарскому краю. Первым городом был намечен Новороссийск. Однако представители местного казачества порекомендовали самозванцам отменить поездку, намекая, что в противном случае возможны неприятности...

В этой истории меня поразило не очередное самодовольное проявление мракобесия, прикрывающегося так называемыми традиционными ценностями и потому неуязвимого для нашего закона-дышла.

Поразила общая абсурдность ситуации, когда одни ряженые грозят другим ряженым за то, что те не по чину рядятся.

Кто такие современные казаки? Если выкрутить в ноль регулятор патетики, чтобы оценивать факты беспристрастно, получим обыкновенных РОЛЕВИКОВ / РЕКОНСТРУКТОРОВ. Кто-то увлечённо играет в хоббитов и эльфов, кто-то — в исторических персонажей и исторические события, а кто-то — в казаков.

Игру в хоббитов, как общественно бесполезную и эскапистскую по своей сути, государство не поддерживает. Игру в казаков, как общественно полезную, поддерживает, причём довольно рьяно. Вот и вся разница.

Казачество как социальный феномен — явление минувших эпох. Ещё сравнительно недавно, в начале двадцатого века, оно было реальным, сегодня — нет.

Приведу пример из смежной области. Два века назад вы могли быть дворянином, и это была реальность. Дворянин тогда отличался от не-дворянина своими правами и обязанностями, уровнем образования, образом жизни и много чем ещё. Сегодня дворянином БЫТЬ нельзя — можно только играть в дворянство.

Сегодняшний дворянин отличается от не-дворянина исключительно тем, что один считает себя дворянином, а другой не считает (а скорее, вообще никогда об этом не задумывался). Всё.

Но сегодня казак — это уже не социальный статус; современный казак — это казак по духу, скажете мне вы. Именно так. Полностью согласен. И современный дворянин — это дворянин по духу, и современный хоббит-ролевик — это хоббит по духу. Резюмируем: сегодня принадлежность к казачеству — это всего лишь вопрос самоопределения субъекта. Как и хоббитанство, и эльфийство, и все им подобные «-ства».

Возвращаясь к «Марусе». Думаю, что дело тут не в примитивном расизме (хотя и без него, возможно, не обошлось). «Маруся» огребла не за свою черномазость, а за буквализацию метафоры. Потому что одного взгляда на горько-шоколадных марусийцев в козацьких папахах довольно, чтобы понять, что ансамбль «Маруся» и нынешнее кубанское казачество — явления одноприродные. И у нигерийских студентов оснований носить эти папахи не больше и не меньше, чем у новороссийских атаманов и податаманов.

Формула права

Есть такое понятие — естественное право. Если не вдаваться в детали, оно предполагает, что в уме каждого из нас от природы «прошиты» некоторые базовые представления о должном и недолжном и юридические установления должны разрабатываться в соответствии с духом этих естественных законов.

Концепция естественного права вдохновлена самым наивным и возвышенным идеализмом, однако же на удивление актуальна — если только не трактовать её в духе просветителей осьмнадцатого столетия.

Правда заключается в том, что у каждого из нас существуют интуитивные представления о том, что законно, а что незаконно. Характер этих представлений определяется уровнем свобод, достигнутых в том обществе, в котором мы живём, и разделяемых представителями того конкретного социального слоя, к которому мы принадлежим, а также особенностями тех социальных ограничений (эвфемистически называемых традициями), которые во многом определяют наше поведение и наш образ жизни.

Ну что ж, пора ставить на воспроизведение рингтон с фанфарами и разминать губы для восторженного «ура»: сейчас мы выведем формулу идеального закона!

Ничего сложного здесь нет. Действительно фундаментальные истины просты, как e = mc квадрат.

Итак, идеальный закон — это «естественное право» плюс некоторая дополнительная степень свободы. Иначе говоря, юридические нормы должны в целом соответствовать нашим усреднённым интуитивным ожиданиям (тем требованиям и ограничениям, которые мы психологически готовы воспринять как законные), но в то же время оставлять обществу возможность выхода на принципиально иной, более высокий, уровень свободы, который в настоящий момент оказывается им невостребован.

Приведу пример.

В традиционном обществе закон, квалифицирующий однополые отношения как нелегальные, плох — поскольку жёстко ограничивает социальные свободы в этой сфере уже достигнутым уровнем (юридическое равноправие полов, возможность интернациональных браков и т.д.), не оставляя возможности для развития.

Но закон, легализующий однополые браки, в традиционном обществе столь же плох — поскольку способен лишь осложнить положение сексуальных меньшинств и чреват социальным взрывом.

Важно понимать природу закона. Закон исполняется не потому, что его принял кто-то специально на это уполномоченный, придав ему тем самым официальный статус, а потому, что его принимает народ. Пусть без энтузиазма, пусть через не хочу — но признаёт, что этот закон следует исполнять.

Утверждение, согласно которому именно народ наделяет любые законодательные акты юридической силой, — не просто красивая формула, сочинённая для запудривания мозгов так называемому электорату, а замешанная на самом крутом цементе железобетонная истина.

Итак, к чему была эта долгая теоретическая преамбула?

В последнее время, когда я ненароком натыкаюсь в новостях на уголовную хронику, у меня всё чаще, образно говоря, выпадает глаз.

Некто в общественном месте решил изложить свои религиозные взгляды. На мой вкус, — бестактность. Оказывается — уголовное преступление.

Некто другой купил через Интернет лекарство, не зарегистрированное Рос-чем-то-там. Если только это не наркотики — да не ваше собачье дело, что и зачем я покупаю. Оказывается, тоже статья.

Оскорбить чьи-то деликатные чувства вообще легче лёгкого.

Тоже статья, если кто запамятовал.

Наше законодательство всё больше напоминает минное поле времён второй мировой: лежат в земле такие старые проржавевшие коряжины, о существовании которых никто и не подозревает. Тысяча человек прошла — и ничего. Под тысяча первым ни с того, ни с сего рвануло.

При адекватной правовой системе вероятность сделаться уголовным преступником по неведению исчезающе мала. Если же формальный закон так явно и так безнадёжно расходится с нашими представлениями о «естественном праве» — это знак того, что закон надо менять.

Хрущёвка

Мы живём в хрущёвке.

Мы живём в хрущёвском городе, в хрущёвской стране. Да и сама наша цивилизация ещё не перешагнула хрущёвский уровень развития.

Мы пытаемся украсить свою хрущёвскую жизнь, сделать её более счастливой и комфортной, аккуратно выводя на дверном полотне червлёно-золотые узоры и не без тайной гордости раскладывая у подъезда изрядно полинялый, но почти ещё новый ковёр.

Мы стараемся не думать о том, как нелепо смотрится эта праздничная павлинья роспись на уродливой железной двери в казарменного типа постройке с зарешечёнными окнами.

Мы стараемся не думать о хрущёвских мальчиках, которые придут ночью к нашему подъезду с баллончиками, полными чёрной краски, чтобы начертать поверх наших украшательств свои неведомые письмена. И о том, что после первой же порции жирной хрущёвской грязи, принесённой на сапогах, наш нарядный ковёр превратится в отвратительную грязную дерюгу.

Хрущёвка окружает нас, она повсюду. Она просачивается в нашу жизнь и в наше жилище. С этим можно бороться и нужно мириться: хрущёвка в нашей жизни неизбежна, пока человечество не перерастёт себя сегодняшнее на голову-другую.

Но, преодолевая хрущёвку вокруг себя, важно не забывать, что усерднее всего она стремится проникнуть в наше сознание.

И вычистить её оттуда сложнее всего.

P.s. Если этот пост ненароком прочтут наследники или поклонники Никиты Сергеевича, — ради бога, не надо обижаться :) Это его никак не касается. Это совсем о другом...

Памятник мерзости

Преступления Гитлера и Сталина на порядки превосходят по масштабу преступления Ивана Грозного.

Гитлер и Сталин чудовищны и отвратительны в своём не имеющем аналогов злодействе.

Но Иван Грозный — ещё и мерзок. Как только может быть мерзок садист, сладострастно изощряющийся в придумывании всё новых и новых, невиданных способов мучительства, в редкие минуты прозрения трясущийся от страха в ожидании кары Господней и в самом этом ужасе обретающий, пожалуй, острейшее из доступных ему наслаждений.

Ни Сталин, ни Гитлер не видели в человеке человека. Все эти миллионы, чью жизнь они жестоко оборвали либо искалечили, мыслились ими отстранённо — как биологический материал, и только.

Грозный, видя в своих жертвах людей, как раз в том и находил особое удовольствие, чтобы терзать способных мыслить и чувствовать.

Те причиняли боль, потому что до ощущений материала им никакого дела не было. Этот — потому что хотел сделать побольнее, вампирически подпитывая чужой болью свои душевные силы.

Мы отчего-то очень любим мерзость в себе — в себе лично и, как следствие, в своём историческом прошлом и в своём настоящем.

Язык не повернётся сказать, что мы плохи, что мы прогнили до основания. Мы, россияне, ничем не хуже тех же американцев, британцев или французов. А в чём-то, пожалуй, даже и получше. Во всяком случае, на мой субъективный вкус.

Но вот эту мерзкую червоточину, вместо того чтобы вырезать раз и навсегда, мы отчего-то заботливо и тайно в себе лелеем, пока от ядовитой малости не занедужит весь организм.

Поэтому, наверное, логично, что в России отныне будет стоять памятник мерзости.

С официальной точки зрения, в память великих исторических свершений и бла-бла-бла...

А по мне — так в напоминание.

Второй народ Омска

У омичей зреет желание кого-нибудь увековечить.

Сначала долго ругались про монумент этакому собирательному омскому журналисту: надо ли возводить вообще и, если да, то в каком облике. Потом начали вяло переругиваться про гражданскую жену Колчака.

По весне ожесточённо бранились из-за бюстика Сергея Михалкова, который никогда в Омске не был, ничего об Омске не писал и едва ли вообще подозревал, что Омск и Томск — это два разных города, а не варианты огласовки, порождённые диким сибирским произношением.

Михалкова изваяли.

Будет и журналист.

Будут, по-видимому, и другие.

Ближе к закату Римской империи в вечном городе наплодилась такая прорва статуй, что их — сначала в шутку, потом и с законной гордостью — стали называть вторым народом Рима.

Рим пал.

Если кому-то кажется, что эти события не связаны, он очень заблуждается.

Когда в определённых кругах общества возникает зуд увековечения, причём не столь и важно, кого и по какому поводу — лишь бы воздвигся ещё один монумент — это свидетельство упадка.

Это значит, что в реальной жизни уже не удаётся найти прочные позитивные ценности, на которые можно было бы опереться, которые в состоянии были бы сплотить общество — вот и приходится изготавливать аксиологические муляжи.

Чем шире эти настроения распространены и чем острее этот зуд — тем глубже кризис.

Абсурд как базовый принцип

Зашёл в компьютерно-полиграфическую лавочку неподалёку от нашего университета. У парней ныне горячая пора: абитуриенты тянутся один за другим делать канонические фото 3 на 4.

Распечатал свои благодарственные письма, двинулся к выходу и у самых дверей столкнулся с двумя докторами философских наук из соседнего крыла: филфак и кафедра философии обитают у нас на одном этаже, так что общаемся время от времени.

— Привет, привет, коллеги! — говорю я бодро, весело и фамильярно. — А вы куда поступаете?

Сам же при этом думаю: тоже, небось, с какими-нибудь цветными и финтифлюшистыми бумажками пришли.

— В магистратуру по философии … — отвечают они иронично, философично и крамольно.

Мне-то долго объяснять не надо: я всё понял с первого слова. Я уже не один ФГОС и ОПОП съел без соли и без лука. Я-то знаю, что такое парадокс базового образования.

Суть парадокса проста: ты можешь быть признанным в профессиональном сообществе специалистом, автором многочисленных учебных пособий и научных работ по преподаваемым дисциплинам. Ты можешь иметь солидный стаж работы и выпустить сотни студентов и десятки аспирантов, успешно трудоустроившихся по специальности и, в свою очередь, ставших педагогами и учёными.

Но чёрта с два, по мнению российского минобра, ты будешь преподавать, если у тебя нет базового образования по профилю твоих дисциплин!

А из моих собеседников один по образованию — врач, а другой — филолог. Тщательно прожевав один за другим несколько дубовых ФГОСов, я теперь прекрасно понимаю, чем руководствовались люди, которые старательно изобретали этот базовообразовательный бред.

Да, в некоторых учебных заведениях (например, в малокомплектных сельских школах, или недобросовестных частных вузах, или малых, да удалых филиальчиках) какой-нибудь, условно говоря, физкультурник может преподавать

историю, высшую математику и русский язык, не смысля, по большому счёту, ничего ни в том, ни в другом, ни в третьем.

Но диктатурой базового образования эту проблему не решить. Она вообще не решает никаких проблем — а только создаёт.

Впрочем, это типично бюрократический подход, когда меры, принимаемые для решения третьестепенной проблемы, сами по себе становятся проблемой — причём тотального масштаба.

Тёмные озарения

Когда соприкасаешься с чужим творчеством, возможны два вида озарений. Первые — светлые, когда, прочитав (увидев, услышав), понимаешь: да, именно так! иначе и быть не могло! вот в точности то же самое, и теми же самыми словами мог бы сказать и я!

Вторые — тёмные, когда ты глубоко бываешь потрясён неожиданно открывшейся тебе дистанцией между мирами двух сознаний — твоего и чужого, когда долго ещё не перестаёшь удивляться: как вообще возможен такой строй мыслей и чувств у человека???

Мне, — возможно, по вине извращённой филологической профессии — нечасто приходится переживать тёмные озарения. Даже при столкновении с самым махровым авангардом, строй мыслей художника, будучи удручающе чужд, ощущается в то же время как удручающе понятный.

Самые мощные тёмные озарения настигали меня за чтением того, что в обиходе называют графоманией (метонимически перенося название недуга на его последствия).

Я пришёл к выводу, что наиболее дикие и нелепые графоманские тексты много сильнее авангардных (за отдельными, крайне редкими, исключениями со стороны авангарда).

Типовой авангардный текст распутывается, как клубок (точнее, как сложное вязальное переплетение из нескольких десятков, а то и сотен, нитей), — было бы терпение и желание распутывать.

Типовой особо запущенный графоманский опус (на определении «особо запущенный» я особо настаиваю — в нём вся соль!) являет собой образец такой монументальной целостности, которой достигают лишь немногие из общепризнанных шедевров искусства.

По силе «остраняющего» воздействия, способности явить мир в новом, никем и никогда не опробованном ракурсе им нет равных. Они волнующе-непостижимы в своей замкнутости, в своём великолепном пофигизме по отношению к любым канонам, парадигмам и узаконениям.

Они трогательно невинны, как Адам до грехопадения, и невероятно могучи в своей абсолютной невинности. Такой полноты, такой «густоты» силы не обрести никому из тех, кто уже вкусил от древа познания.

Я равнодушно говорю классикам: «Оставьте, господа! Пожалуй, вы ещё годитесь на то, чтобы время от времени перечитывать вас под настроение».

Лениво приподнимая бровь, я говорю беззапретно-дерзким новаторам: «Право же, и вот *этим* вы хотели меня впечатлить?..»

Но перед автором четверостишия, которое вы сейчас прочтёте, я снимаю свою видавшую виды лыжную шапку и говорю ему:

– Ты сумел меня поразить! А это, поверь, непросто.

– Не обольщайся этим признанием: умение поражать — необходимое качество искусства, но это не искусство. И всё же в чём-то ты сильнее их всех — тех, кто по праву зовутся писателями и поэтами. Помни об этом и не торопись стать тем, кем ты так хочешь стать (если это вообще тебе по силам).

Знакомьтесь — вот моё последнее тёмное озарение, — наверно, самое сильное за последние сколько-то там лет:

Вершины гор — коричневая насыпь

И сырая трасса у стареньких домов,

Обычный быт всей своей массой

Учит жизни еще маленьких котов.

Капитан Лебядкин как дедушка русского авангарда

Капитану Лебядкину трижды не повезло.

Во-первых, он был вымышлен.

Во-вторых, осмеян своим создателем.

В-третьих же и в-последних, явился не в своё время.

Ещё раз перечитайте эти хорошо знакомые строки, отключив пробуждаемые фамилией «Лебядкин» иронические рефлексы, три раза глубоко вдохнув и наполнив грудь чистейшим, охлаждённым до абсолютного нуля неразбавленным остранением:

Жил на свете таракан,
Таракан от детства,
И потом попал в стакан
Полный мухоедства…

— Господи, что такое? — воскликнула Варвара Петровна.

— То-есть когда летом, — заторопился капитан, ужасно махая руками, с раздражительным нетерпением автора, которому мешают читать, — когда летом в стакан налезут мухи, то происходит мухоедство, всякий дурак поймет, не перебивайте, не перебивайте, вы увидите, вы увидите… (он всё махал руками).

Место занял таракан,
Мухи возроптали,
Полон очень наш стакан,
К Юпитеру закричали.

Но пока у них шел крик,
Подошел Никифор,
Бла-го-роднейший старик…

Тут у меня еще не докончено, но всё равно, словами! — трещал капитан, — Никифор берет стакан и, несмотря на крик, выплескивает в лохань всю комедию, и мух и таракана, что давно надо было сделать. Но заметьте, заметьте, сударыня, таракан не ропщет! Вот ответ на ваш вопрос: «почему?» — вскричал он, торжествуя: — «Та-ра-кан не ропщет!» — Что же касается до Никифора, то он изображает природу, — прибавил он скороговоркой и самодовольно заходил по комнате.

Ну право же, не стесняйтесь признать очевидное!

Да, это первоклассный, ядрёный авангард, где текст благодаря сопутствующим тирадам, претворяется в натуральный перформанс!

Повторюсь: Лебядкину трижды не повезло.

А будь он реален, и родись он в другое время, и зовись он, к примеру, не капитан Лебядкин, а капитан Лотарёв, так и сочинял бы он, пожалуй, иное, поскольку басенные мухи и тараканы к началу двадцатого столетия окончательно вышли из моды.

И читая его вирши, никто бы уже не позволял себе неуместного презрительного смеха:

К началу войны европейской
Изысканно тонкий разврат,
От спальни царей до лакейской
Достиг небывалых громад.

Как будто Содом и Гоморра
Воскресли, приняв новый вид:
Повальное пьянство. Лень. Ссора.
Зарезан. Повешен. Убит.

Художественного салона
И пьяной харчевни стезя
Совпали по сходству уклона.
Их было различить нельзя.

А когда в концертном зале, битком набитом экзальтированными любителями словесности, он бы декламировал:

...Она вошла в моторный лимузин,
Эскизя страсть в корректном кавалере,
И в хрупоте танцующих резин
Восстановила голос Кавальери...

его восторженные почитательницы, срывая с себя драгоценности, бросали бы их в пиитическом экстазе на сцену.

Человеческая судьба его была бы по-прежнему безрадостна: умер бы он, пожалуй, в эмиграции — жалкий, бедный и никому не нужный.

Но литературная его судьба сложилась бы совсем иначе.

И сегодня его стихи — пусть обзорно, — но изучали бы в школе, а литературоведы защищали бы по нему диссертации, многостранично рассуждая об утончённом очаровании лебядкинской пошлости...

Твой терпкий запах от Шанель

Умение узнавать классика по строчке-другой почитается среди поклонников Евтерпы за великое филологическое молодчество. Продекламировали в твоём присутствии: «Мой дядя самых честных правил…» — а ты, покуда чтец делает глубокий вдох, дабы запастись воздухом для следующей строки, уверенно и спокойно говоришь: «Пушкин!». Все в восторге. В комнате резкими парусинными всхлопами плещут лебединые крылья аплодисментов.

Вот в этом-то благородном искусстве, по правде сказать, я не силён.

Если что-нибудь (наподобие того же дяди) выучил наизусть в молодые годы, тут, конечно, можно надеяться на успех. А вообще же пушкинский медведь (тот самый, нахрапистый, — из сна Татьяны) наступил мне на ухо своей когтистой лапою, так что оды Хвостова мне, пожалуй, не отличить от од Петрова, а уж тех юных авторов, что публикуют свои стихи на страничке «Литературный Туапсе», я и подавно распознать не в состоянии.

Но есть, как выяснилось, в России один пиит, чьё авторство даже я, эстетически безухий, способен безошибочно определить по паре строчек.
Еду давеча на дачу. В динамиках журчит «Радио дача» (однако ж, в какие меня занесло развесистые аллитерации!).

Сквозь шелест моих неторопливых мыслей о вечном и о мороженом (жары, право же, тогда стояли африканские!) из дачного радийного далёка доносится: «Прошу, замедли рок судьбы».

Прислушиваюсь.

И слышу: «Твой терпкий запах от Шанель висит у входа в летний бар».

— Да ведь это же… Михаил Гуцериев! — говорю я взволнованно. — Известный поэт-песенник (и по совместительству нефтяной магнат), клиентами которого являются десятки российских звёзд (от незримой до первой величины), лауреат многочисленных премий, автор золотоплатиновых хитов!

Лезу в Сеть — и улыбаюсь победной улыбкой: нюх меня не подвёл!

Терпкий запах стихов от кутюр российской эстрадной поэзии плотно и пряно висит в эфире…

Общество верящих в плоскую землю

Есть на свете такая организация.

Основана она была в девятнадцатом столетии в Великобритании. С 1956 года её штаб-квартира располагается в США. Ряды её с позапрошлого века заметно поредели. Однако и сегодня на поверхности земного шара обитает несколько десятков человек, которые готовы с математическими выкладками в руках доказывать, что наше пристанище во вселенной представляет собой плоский диск диаметром 40 000 километров с центром на Северном полюсе. Южного полюса, кстати говоря, нет вообще. Антарктида — нелепый вымысел. Космические

полёты — фикция. Высадка человека на Луну — фикция с отягчающими обстоятельствами.

Правительства составили грандиозный заговор по сокрытию правды от населения. В нём участвуют учёные, мнимые космонавты, пилоты международных авиалиний и многие, многие другие.

Некоторое время назад нынешний глава общества затеял хитроумный эксперимент, призванный разоблачить заговор пилотов. Он пронёс на борт самолёта строительный уровень, по окончании набора высоты выставил его в строго горизонтальное положение, ориентировав его вдоль прохода, и принялся внимательно за ним наблюдать. Если планета имеет шарообразную форму, воздушное судно, чтобы удерживаться на постоянной высоте, должно будет, по расчётам плоскоземельцев, периодически наклоняться вперёд — прямолинейное движение на заданной высоте возможно только над плоской поверхностью.

Как несложно догадаться, эксперимент подтвердил наличие тотального заговора: уровень всё время до начала снижения свидетельствовал, что самолёт движется по прямой.

Председатель самой упёртой организации на земном шаре, торжествуя, сошёл на плоскую Землю.

Про общество Плоской Земли я знал с давних пор, но тут впервые задумался, что это, пожалуй, — один из наиболее ярких образов истинной поэзии.

Настоящий поэт живёт и творит не то чтобы вопреки идеологическим, этическим и эстетическим стандартам эпохи — а попросту не считаясь с ними. Дорогою свободной он идёт туда, куда влекут его свободный ум и внутренняя логика его творчества, независимо от того, согласуется это с общепринятыми взглядами или нет.

Истинный поэт не признаёт над собою никаких законов, кроме им самим установленных, — в том числе и тех, которые всем законопослушным человечеством считаются обязательными для исполнения, например, законов физики. Он всегда над временем и тяготеньем. Как материальное тело и как социальная единица он в полной мере подвластен законам природы и общества. Но как мыслящий индивид он живёт и действует так, как если бы этих законов вовсе не существовало (как жил, по словам Довлатова, Иосиф Бродский в Советской России, не зная даже фамилию генерального секретаря ЦК).

Оттого истинный поэт часто видится окружающим забавным или обременительным в своём упорстве безумцем — как Велимир Хлебников, как Даниил Хармс…

Болезненно переживая насмешки окружающих, презрительное покручивание пальцем у виска, ханжески добродетельные советы («Лучше бы работать пошёл!»), поэт остаётся верным своему безумству.

… Братья-поэты из общества Плоской Земли, приветствую ваше существование!

Филологическая комедия

Накануне 8 марта видел сон.

… Вся Россия с нетерпением ждала, когда выйдет так долго и тщательно подготавливаемое издание «Божественной комедии» в четырёх томах. Три из них, как было известно, включают в себя недавно обнаруженную позднюю рукописную редакцию произведения и подробнейшие комментарии, составляющие в совокупности детальное литературоведческое исследование, которое даёт возможность совершенно по-новому взглянуть на Данте и его великую поэму.

… Очередь у книжных магазинов занимали с ночи. Огромная толпа, далеко выпиравшая за тротуарные бордюры — на газоны, придомовые проезды, автомобильные парковки, — растянулась, наверное, на километр. Почти неподвижная, она тем не менее возбуждённо подрагивала на всём своём протяжении, подобно змее перед броском. Люди радостно переговаривались, строили догадки относительно загадочной последней редакции. Взволнованный шёпот плыл над толпой. Занимался рассвет.

Я стоял в первых рядах, недалеко от входа. По особому случаю все книжные открывались в этот день на полтора-два часа раньше обычного — с 7.30.

И вот наконец двери распахнулись. Тотчас же порядок в голове очереди нарушился: самые нетерпеливые книгоманы старались проскользнуть первыми. Впрочем, особой давки не было: публика подобралась культурная.

Когда я вошёл, сколько-то экземпляров четырёхтомника на прилавках и на широких столах, расставленных прямо по центру торгового зала, ещё оставалось, но невысокие стопки книг стремительно таяли, словно куски рафинада, опущенные в кипяток.

Хитроумная администрация магазина разложила «Божественную комедию» вперемежку со всяким хламом, в надежде, что при таком ажиотаже сметут всё (тем более что первый тираж четырёхтомника был ограниченным — на всех желающих его бы не хватило). Боковым зрением отметил на обложках имена Яхиной, Прилепина и ещё какое-то мне неведомое.

Но отвлекаться на ерунду я не стал. Леопардовым интеллигентским поскоком — бочком, бочком — продвинулся к столу и сгрёб в охапку все четыре тома. Последние на столе! Перевернул всю стопку исподом вверх. Цена на заднике заставила меня судорожно сглотнуть. Впрочем, за такую вещь не жалко.

В приподнятом, почти гимнографическом настроении, прокладывал я путь к кассе, когда мужчина неопределённо-средних лет, в поношенном пиджачке, очочках, с немного виноватым выражением лица, — одним словом, типичный филолог — извиняющимся тоном попросил на секундочку второй и третий тома — свериться с библиографией.

Внутри моего черепа победительно звучали фанфары. Жестом, исполненным скромности и величия, я протянул ему два тома.

Не успел я опомниться, как он уже пробивал их на кассе: тома, оказывается, продавались и вразнобой!

Я принялся листать оставшиеся. Так я и знал! Недавно обнаруженная авторская редакция «Божественной комедии» была в похищенных!..

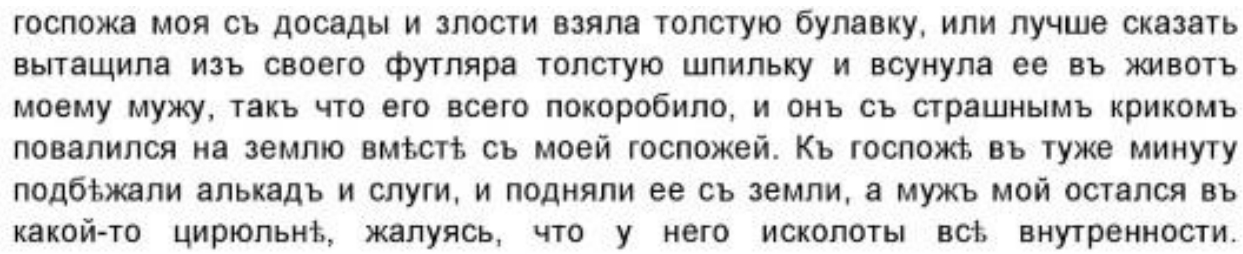
И тут я проснулся.

Филологическая шпилька

Одно время булавки и шпильки были неотъемлемой частью женской причёски. Они служили каркасным элементом, помогая поддерживать в нужной форме многокиллограмовые шиньоны (причёска весом в десяток кг, обильно украшенная цветами и фруктами, по меркам галантной эпохи, была обыденным явлением).

При случае женская шпилька могла послужить тайным оружием. Острая и прочная игла сантиметров пятнадцати-двадцати длиной извлекалась из куафюры во мгновение ока. И горе злоумышленнику (или же сладострастному изменнику, польстившемуся на чужие прелести)!

Иронизируя над эмансипацией по-испански (хотя в XVII столетии и слов-то таких диковинных не знали; вернее знали, но в ином значении, которое этот юридический термин имел изначально: освобождение сына от отцовской власти). … так вот, высмеивая горячих иберийских грандесс, Сервантес во второй части «Дон Кихота» рисует сатирический образ знатной дамы, чуть что хватающейся за шпильку и смертельно ранящей в порыве гнева своего не в меру (и, так сказать, не по адресу) вежливого слугу.



госпожа моя съ досады и злости взяла толстую булавку, или лучше сказать вытащила изъ своего футляра толстую шпильку и всунула ее въ животъ моему мужу, такъ что его всего покоробило, и онъ съ страшнымъ крикомъ повалился на землю вмѣстѣ съ моей госпожей. Къ госпожѣ въ туже минуту подбѣжали алькадъ и слуги, и подняли ее съ земли, а мужъ мой остался въ какой-то цирюльнѣ, жалуясь, что у него исколоты всѣ внутренности.

Не брезговала, помнится, в своей членовредительской практике шпильками и мерзкая Салтычиха. Но не будем об извращенцах.

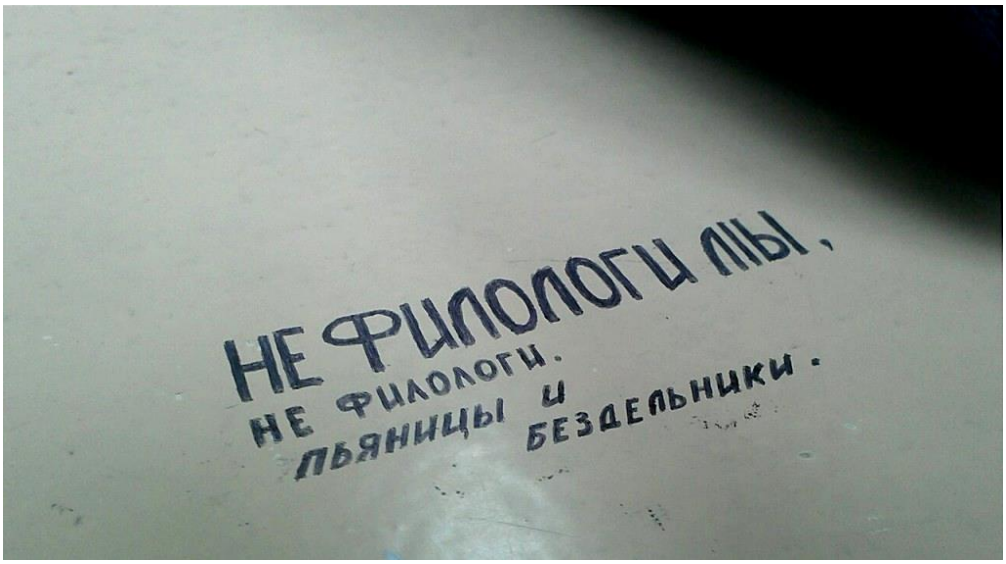
… Как и всякому гуманитарию, мне отрадно созерцать живую жизнь традиций, ёмкие переосмысливающие цитаты, остроумные диалоги с вечно живыми собеседниками, перенесённые в публичное пространство, но сугубо личные по сути, ибо посторонний их попросту не увидит…

И поэтому филологическая шпилька, сделанная из дешёвой шариковой ручки, мне мила своей изящной текстуальностью.

Впрочем, я, быть может заблуждаюсь…

И ручка здесь — всего лишь ручка, удачно применённая не по назначению?

И диалог этот прозвучал исключительно в моём воображении?



Двухфакторная аутентификация китайского мандарина

В последние десятилетия мы наблюдаем всё углубляющийся кризис доверия к любым символическим атрибутам и к самому Тексту как условной символической последовательности, не имеющей никаких встроенных механизмов, которые обеспечивали бы достоверность передаваемой информации. Текст не то чтобы лжив по природе — но абсолютно индифферентен ко лжи и готов пассивно транслировать её, невзирая на последствия.

Мне представляется, что XXI век станет эпохой возвращения к предметному письму, — разумеется, на совершенно ином технологическом уровне, чем это было на заре цивилизации.

Искусственный символический объект ничем, кроме доброй воли адресанта, не защищён от деструктивного вмешательства. Естественные, природные объекты, используемые в символической функции, сложнее «обмануть», поскольку их символическая целостность до некоторой степени обеспечивается объективными законами мироздания. «Взлом» предметного символа-артефакта по определению более трудозатратен и проблемен технологически, чем «взлом» обычного знака-символа.

Возьмём простой пример. Удостоверение личности, отпечатанное на бумаге, несмотря на множество степеней защиты, давно уже не воспринимается как

надёжное средство идентификации. Это же относится к паролю как чисто символическому коду.

Сегодня всё большую популярность обретают различные биометрические идентификаторы. Радужная оболочка глаза или молекула ДНК — мои неотъемлемые физиологические атрибуты, которые непросто подделать (хотя при желании возможно). А потому как символические атрибуты они надёжнее документа с подписями и печатями.

Двухфакторная аутентификация в Интернете (с использованием sms, отправляемых пользователю на мобильный телефон) надёжнее традиционной однофакторной аутентификации при помощи пароля: пароль можно подобрать, украсть, подсмотреть; телефон же всегда при мне. Материальным объектом злоумышленнику завладеть сложнее, чем набором символов, недаром для обхода двухфакторной аутентификации, как правило, используются средства социальной инженерии, а не тривиальное воровство («клиента» пытаются изощрённо обжулить, с тем чтобы он сам по простоте душевной выдал мошеннику sms-код).

Ещё один пример вы видите на фото. Можно было налепить на мандарины этикетку со знаком качества. Но этикетке сегодня не верит даже самый наивный покупатель. А вот натуральный зелёный листок — это «бесспорное» свидетельство экологичности сомнительного китайского цитруса. На листик мандарина мы полагаемся куда охотнее, чем на листок бумаги, и агро-менеджеры из Поднебесной хорошо это понимают.

Ещё один пример: российский художник Пётр Павленский, раздевшись догола и вооружившись молотком, пришпандоривает свою мошонку большим строительным гвоздём к брусчатке Красной площади. И мы готовы поверить страданию живого, «телесно достоверного» субъекта, в отличие от страданий вымышленных персонажей, которые трогают нас всё слабее и слабее.

В действительности это тема для развёрнутого теоретического трактата. Я обозначил здесь лишь общую концепцию и взял несколько произвольных примеров — а ренессанс предметного письма происходит сейчас повсеместно, в том числе и в сфере художественного. Но дойдут ли когда-нибудь руки, чтобы эту тему по-настоящему раскрыть — не знаю. Поэтому удовольствуюсь пока анонсом.

Интернет и забор

Забор — единственное подлинно плюралистическое пространство письма, где парадоксальным образом могут соседствовать разные типы дискурса, не посягая ни на чужую территорию, ни на чужую идентичность.

Интернет (если рассматривать его как целое) плюралистичен, но присущее ему отсутствие расстояний эквивалентно абсолютной пространственной дистанции. Это тот случай, когда ноль равен бесконечности. Про два произвольно взятых сайта нельзя сказать, близки ли они в пространстве, и насколько. Это два полностью автономных топоса.

Плюрализм Интернета — мнимый (о псевдошизоидности Всемирной Паутины ещё в конце 90-х говорил Сергей Корнев).

Глобальная Сеть подобна жёлтому дому: это множество одновременно звучащих монологов, каждый из которых замкнут в своей собственной крошечной палате. В Сети интертекст торжествует над текстом. Невероятная лёгкость перемещения достигается здесь благодаря чрезвычайной сложности совмещения.

В структурном и содержательном отношениях Интернет демонстрирует две антиномичные тенденции: структурно он тяготеет к единству и тотальности, содержательно — к бесконечной дифференциации. Любая структурная агломерация в его составе (будь то блог-платформа, социальная сеть или видеохостинг) тотчас же тотчас же распадается на тысячи и миллионы замкнутых «авторитарных» пространств.

Интернет — не конкретный сайт, а Интернет как таковой — невозможно последовательно читать как единый текст — а только суетливым птичьим постмодернистским препрыгиванием с одной интертекстуальной ветки на другую.

Постмодернистский текст (текст как процесс творческой рецепции, а не как замкнутое и завершённое произведение, служащее для неё отправной точкой, — вспомним Барта) собран из множества разнородных фрагментов. Иначе говоря, ролан-бартовский постмодернистский текст — это серия совершённых читателем интертекстуальных переходов. Здесь силён фактор случайности, но нет ни на грош плюрализма. Такой текст всем хорош, кроме одного, — он полностью сконструирован нами, и в этом смысле он ничуть не менее авторитарен, чем любой другой. А может даже — и поболее.

Забор дарит читателю редкую радость соприкосновения с подлинно свободным и неурегулированным текстом, без всякого намёка на авторитарность.

Поэтому я ценю Интернет.

И люблю читать заборы.

Реклама vs PR и урбанистическая метафора

Сейчас я на пальцах объясню разницу между рекламой и пиаром — в лучших традициях пособий для чайников. Посмотрите на эти картинки. С чисто рекламной точки зрения, такие решения оправданны, поскольку соотношение затраченных ресурсов и полученного эффекта здесь будет положительным.

Конечно, презентабельнее было бы откупить билборд в центре города, но если денег на такую затею нет, сгодится и мусорка — какая-то часть целевой аудитории всё равно на это клюнет. А вот пиар-эффект «мусорная» реклама даёт, безусловно, отрицательный. В краткосрочной перспективе она худо-бедно работает, в долгосрочной — вредит, подрывая имидж организации или продукта.

Будет ли устойчивым ваш бренд, если первая возникающая в связи с ним ассоциация, — это помойка?

Итак, делаем вывод: с точки зрения пиар-эффекта, внешний контекст много более важен, чем с рекламной.

Но это было только занудное предисловие — для разогрева. Строго говоря, какова задача всех предисловий? — поселить в душе у читателя чувство согревающей сердце предопределённости. Открывший книгу должен проникнутся мыслью, что он обречён её прочесть.

Предисловие — всё равно что добрачные отношения. На этом этапе у тебя есть ещё законное право повыкобениваться: дескать, не мила мне невеста — не пойду я с нею под венец! Но первая страничка текста — это тот негласный рубеж, перейдя который, порядочный человек обязан жениться и, как бы отношения ни складывались, дошкандыбать рука об руку до самого финала. Так вот: к чему всё это затевалось?

Посмотрите ещё раз на эти картинки. Когда два абсолютно плоских и примитивных текста (например, как здесь: указатель и указатель, рекламный баннер и помойка) неожиданно сходятся в городском пространстве, нередко возникает то, что я называю урбанистической метафорой: между двумя плоскостями рождаются мощные семиотические токи, смысл из раскатанного в лепёшку (до полной однозначности и прозрачности) неожиданно становится сложным и многомерным.

Взять хотя бы раздражающе неполиткорректную, гнусную в своём вещественном натурализме, правдивую и безнадёжную метафору социальной реабилитации, невольно начертанную прижимистыми рекламщиками на помоечной ограде. Не говорит ли о нашей жизни и нашем обществе один этот неприметный символ больше, чем сотни страстных публицистических опусов?...

P.s. Спасибо Юлии Ревякиной за такое чудесное фото о нашей неискоренимой жажде чудесного!

Реабилитационный центр
Альтера ВИТА - Другая жизнь
Эффективная помощь
8-903-927-05-78
38-05-78

ТОВАРЫ ДЛЯ ДОМА
ТУАЛЕТ
В ожидании чуда...
ОДЕЖДА ДЛЯ БУДУЩИХ МАМ

6. Житейские анекдоты

Жизнь – неистощимый источник забавных происшествий. Нарочно не придумаешь – обычно говорят в таких случаях. Вот некоторые непридуманные истории…

Жидуха

Еду в маршрутке, рядом парень разговаривает по телефону. Неожиданно сквозь дорожный шум и неизбежный маршруточный музыкальный наигрыш слышу: «Да к жидухе еду!».

Однако! — подумалось мне.

И только потом я понял, что мы действительно едем с ним к жидухе.

Жедухе.

Железнодорожному вокзалу.

Полный песец

Ехал из Омска в Тюмень в одном купе с двумя вахтовиками. Отбывали от вокзала два добропорядочных семьянина; говорили о своих дочерях, о планах на новогодний и летний отдых.

Затрудняюсь сказать, на каком километре пути в их речи проскочил, помахивая пушистым хвостом, первый песец.

Чем ближе мы подъезжали к Тюмени, тем чаще и непринуждённее звучали «п**дец», «б*ядь», «на х*й».

Работа брала своё.

Разрыв шаблона

Зайдя в университеский туалет, испытал гордость за родной филфак, где не перевелись ещё люди, способные претворять затёртые символические трафареты в жизнь с немыслимой элегантностью …

… В мусорном ведре — неся на себе бесспорные следы контекстуального использования — лежали пожамканные десятирублёвые купюры :)

Хотелось бы в это верить!

Обычная жизнь бывает посильнее всяких анекдотов. Недавно рассказали мне доподлинную историю из будней одной омской гимназии.

Дело было накануне восьмого марта. Приходит на урок известный школьный хулиган (для определённости назовём его Вовочкой). На глазах — тёмные очки, под глазом — фингал.

— Так, Вовочка! — говорит учительница не без иронии. — Что же на этот раз?

— Об ручку двери ударился, — отвечает Вовочка мрачно.

— Хотелось бы в это верить! — изрекает учительница, поджав губы.

Выходя после уроков из раздевалки, учительница на секунду наклоняется, чтобы завязать шнурки… дверь открывается, и дверная ручка ударяет её прямо в глаз!

Отгуляв праздники, учительница приходит на урок. На глазах — тёмные очки, под глазом — фингал. Сознавая некоторую двусмысленность своего положения, она начинает объяснять, как было дело…

— Хотелось бы в это верить! — многозначительно изрекает Вовочка.

P.s. Спасибо Д.М.Ф. за этот сюжет :)

Какие ж это девушки???

Вечер. Площадь перед деревенским клубом. На крыльце стоят трое городских красоток из местного райцентра, приехавшие навестить родню. С лёгким пренебрежением поглядывают на отсталую провинциальную публику.

Приходит пьяный моторист. По привычке матерится почём зря.

Заведующий клубом, которому в присутствии изысканных гостей из метрополии становится стыдно за культурный уровень односельчан, пытается его шутливо урезонить:

— Володя, ты что же это при девушках нецензурно выражаешься?

— А?! Где?! — изумлённый до глубины души, начинает озираться моторист.

И впрямь — что ж это за существа такие, при которых даже и материться-то нельзя???

— Да вот же девушки стоят, — терпеливо отвечает завклубом.

— Какие ж это девушки? — и того более изумляется моторист. — Это ж б...ди! — простодушно заключает он в полный голос.

Надо сказать, в последующие дни диагноз его блестяще подтвердился ;)

P.s. Спасибо Д.М.Ф. и за этот сюжет :)

Привычка к чтению

Компания первокурсников в маршрутке.

— Я сейчас начала читать классную книгу?..

Собеседник, с неподдельным удивлением:

— Ты КНИГИ читаешь???

Мы не вместе — мы просто вместе приехали!

Сегодня в столовую санатория зашли два новоприбывших мужичка предпенсионного возраста. А надо сказать, что свободного выбора мест здесь нет — по столам отдыхающих рассаживают сотрудницы столовой.

— Вы вместе? — спросила равнодушная девица.

— Нет, мы не вместе, — немного смутился мужичок, — мы просто вместе приехали.

— Но посадить нас надо вместе! — немного подумав, прибавил он.

— А я о чём и говорю! — резюмировала работница общепита, нечувствительная к стилевым нюансам и нюансам межличностных отношений :)

Прикладная клизматология

Истинных учёных немного. И узнаются они не по дипломам и записям в трудовой книжке, а по особому строю ума.

Мой добрый приятель — программист. У одного из его коллег есть заветная мечта — качественно напиваться по выходным, при этом оставаясь неуловимым для гаишников.

Всесторонне проанализировав проблему, он понял, что единственный путь, сулящий в этом деле удачу, — экспериментальным образом отыскать такой состав и такой способ его введения в организм, который бы давал вожделенный эффект, и при этом — ну абсолютно не улавливался бы гаишными спиртомерами.

Для начала он перепробовал все известные травы и грибы. Потом — не очень известные. Эффект был, но по своей фактуре существенно отличался от эталонного. Взыскательному же исследователю мечталось о Совершенстве.

Так он пришёл к неутешительному выводу, что основное действующее вещество подменить низкопробным дженериком, увы, не удастся.

Оставалось поменять способ введения.

На вечеринках, гордо отстраняя от себя сулящие радость и забвение пенные чаши, он удался в сортир, где ставил себе алкогольные клизмы.

Эффект был. Но какой-то странный. Ни ум, ни тело учёного им удовлетвориться не могли.

Сейчас этот неугомонный эмпирик копит деньги на приличный небулайзер, дабы принимать алкогольные ингаляции.

Он по-прежнему полон самых ярких надежд. Ему представляется, что на предыдущем этапе эксперимента он просто немножко промахнулся с точкой ввода: доставка же алкоголя прямо через рот — минуя злополучный желудочно-кишечный тракт! — позволит весело пьянить мозги, не нагнетая в кровь уличающих алкогольных промилле.

Вот это я и называю подлинным духом научного поиска!

Вы всё ещё кропаете свои статейки в журналы ВАК?

Ну, ну...

Санаторный роман

Сегодня вечером в санаторий приехала новая пара, оба лет под пятьдесят. У дамы на соответствующем пальце — кольцо. Кавалер — без явных опознавательных признаков.

За ужином они так забавно и мило пританцовывали друг возле друга, посылали друг другу такие ласковые, и в то же время полные скрытого значения улыбки, целовались прямо за табльдотом.

«Как же это прекрасно — после стольких лет брака сохранить свежесть чувств, свойственную молодожёнам, — начал умилённо рассиропливаться я над тарелкой с салатом, — пусть это немного напоказ, но — чёрт возьми! — сколько же в этом искренности, какое живое и неподдельное влечение!..»

... мыльный пузырь сентиментального очарования лопнул, когда, неожиданно столкнувшись в проходе со знакомой, «новобрачная», порозовев от смущения, защебетала неестественно высоким голосом:

— Привет! Привет! ... только, Томочка, это не мой муж!..

Разбойничья школа

Коллега поделился воспоминанием.

Есть в Приморье посёлок под названием Разбойник. В посёлке имеется школа. И называется она, как и большинство сельских школ, по имени населённого пункта: «Разбойничья средняя школа».

Коллега мой до сих пор печалится, что не родился на берегах Охотского моря: какая замечательная надпись красовалась бы у него тогда в аттестате об окончании средней школы!

Факультет СМИ

Коллеги поделились. Дословную точность диалога не гарантирую, но сам его ход воспроизвожу во всех подробностях.

Звонок на кафедру русского языка:

— Я к вам перевёлся из другого вуза, мне надо вам академическую разницу сдать.

— Какие именно дисциплины?

— Ну… СМИ.

— Вы позвонили на кафедру русского языка — у нас такую дисциплину не преподают. А вы на какой факультет перевелись?

— На СМИ.

— В нашем вузе такого факультета нет. Вы не филфак имеете в виду?

— Нет, СМИ.

— А свою кафедру можете вспомнить?

— Кафедра СМИ.

— Такой кафедры у нас тоже нет. А по какому направлению подготовки вы у нас обучаетесь?

В голосе студента впервые звучит намёк на неуверенность:

— Наверное, вы скажете, что такого направления подготовки у вас тоже нет… На СМИ.

Преподавателя эта ситуация начинает уже немного забавлять.

— Да, вы правы: такого направления подготовки у нас тоже нет. Скажите, пожалуйста, как вас зовут: мы постараемся выяснить, на каком факультете вы учитесь и какие дисциплины по нашей кафедре вам необходимо сдать, а потом свяжемся с вами.

— Ренат.

— Если вы назовёте свою фамилию, это существенно облегчит нам поиски.

Называет фамилию.

— Сейчас я продиктую вам e-mail нашей кафедры. Отправьте нам письмо, указав в нём своё имя, фамилию и телефон. Мы наведём справки и сообщим вам, где и когда вы сможете сдать академическую разницу и что для этого нужно.

— Не, давайте я лучше сейчас сброшу вам свой e-mail sms-кой!

— Лучше не надо. Вы звоните нам на городской телефон. Давайте я продиктую вам e-mail кафедры. Вы готовы записывать?

Пауза. Очевидно, студент пытается осмыслить, почему не доходят sms-ки.

— А… да… Диктуйте!

И последний мазок, довершающий картину.

Как выяснилось, перевёлся студент всё-таки на филфак.

И его будущая профессия — специалист по связям с общественностью :)

Греческо-русский словарь

История из жизни: коллеги поделились.

Преподаватель простудился, сорвал голос. Чтобы подсластить горькую пилюлю, отправился на шопинг (в книжный магазин то есть :)). Спрашивает у продавца

хриплым, безголосым – и оттого звучащим мрачно и в меру таинственно – шёпотом:

— Греческо-русский словарь Вейсмана есть?

Продавец, оглядываясь по сторонам, и тоже шёпотом:

— Нет, пока ещё не подвезли. Загляните как-нибудь попозже.

Через неделю излечившийся преподаватель приходит в магазин. Звонко и весело спрашивает у продавца:

— Ну как, греческо-русский словарь доставили?

— Ещё нет, — отвечает тот конспирологическим шёпотом, — но со дня на день ждём!

Супружеский комплимент

Семья на прогулке. Мама, папа и дочка идут, взявшись за руки. Все радостно улыбаются. Сын — мальчуган лет шести — усердно крутит педали. Впереди небольшая горка. Юный велосипедист в восторге катится вниз, наращивая скорость.

БАМС!

Переднее колесо велосипеда с разгону ударяется в бампер огромной (и, судя по всему, дорогой) иномарки.

Счастливый отец хватается за голову:

— Сашка, *** твою мать! Ты что творишь???

Вид у Сашки задумчивый.

У матери тоже.

Хотя она ещё, кажется, не успела понять, какой своеобразный комплимент ей только что был сделан :)

7. Острова Омска

Без предисловия…

Сны машин

А замечали вы, какое это удивительное зрелище, когда выглянешь глухой ночью в колодец двора: темнота, тишина, белюдье, и только стоящие по периметру машины перемигиваются крошечными пронзительно-синими огоньками?

Белой акации гроздья душистые

На прошлых выходных выбрались наконец за город, в санаторий. Приехали в пятницу под вечер, когда публика выходного дня ещё не подтянулась, поэтому контингент варьировался от возрастного (как сейчас принято говорить) до откровенно преклонного.

После ужина в клубном зале было организовано традиционное будне-вечернее караоке для тех, кому за…

Мы шли, а по коридору вдогонку, постепенно угасая, ещё долго летели за нами, словно умоляя остаться, пение и музыка.

Теперь иногда по ночам мне слышится, как сохранивший остатки былой силы, но временами предательски срывающийся старческий голос старательно выводит: «Бе-лой ака-а-ции гро-о-здья душистые не-е-возврати-и-мы, как ю-у-но-сть моя!»

Шаги ушедших

Вчера видел сон про зека, дворника в концлагере, который хранил шаги ушедших.

Сберегая память об убитых, замученных, погибших от лишений там, где само упоминание о жертвах — преступление, он вживался в их походку — каждого, кого помнил.

Он ходил по лагерю их шагами — смертельно усталыми, суетливо-угодливыми, затравленно-робкими, презрительно-размеренными.

И через походку он постепенно вживался в душу каждого из них, большинство из которых он никогда не знал — лишь видел мельком во дворе…

Настоящий писатель незамедлительно сделал бы из этого рассказ.

Слава богу, я ещё не пал так низко :)

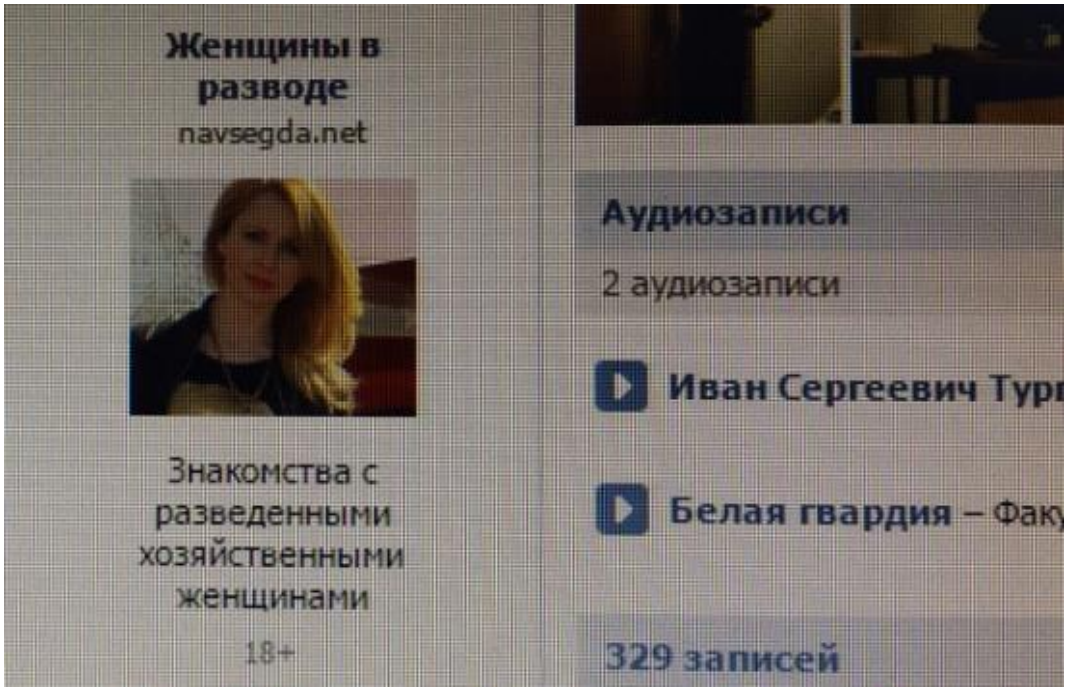
Девушки пишут первыми

Когда-то давным-давно, когда я был энергичным молодым человеком тридцати девяти лет, «Контакт» кричал мне всеми своими рекламами: «Кликни сюда! Здесь девушки пишут первыми!!!».

Теперь мне сорок. И уже никто — увы! — не предлагает мне прытко пишущую трепетную девицу. «Смирись с этим, старик! — убеждает «Контакт». — Время

романтических безумств прошло. Надёжная, хозяйственная разведённая женщина — вот идеал, к которому ты должен отныне стремиться!».

Эх, «Контакт», «Контакт»!..



Гроб в аренду

«Гроб в аренду» — такую услугу в ближайшее время планирует предложить своим клиентам одна из московских похоронных фирм. Заявка на регистрацию соответствующей услуги сейчас проходит экспертизу в «Роспатенте».

Меня лично во всём этом беспокоит один момент: на каком этапе будет происходить пересадка покойника из шикарного выездного гроба в тесную и душную рабочую малолитражку?

Неужто вот так просто и буднично, перед самым погребением, вынут из арендованных посмертных апартаментов и по-быстрому засунут в какой-нибудь подержанный ящик из-под шампанского: отгулял, дескать, своё; давай, возвращай, золушка хренова не принадлежащие тебе царские шмотки; не по Сеньке, значится, шапка!

В этом видится мне какая-то жестокая, издевательская насмешка жизни над всеми человеческими страданиями и чаяниями: непрестанно отнимая, отнимая и отнимая — с каждым годом всё больше и больше, — она даже в самый последний момент, когда человек de facto вышел из-под её юрисдикции, только по бумагам

на сколько-то там часов оставаясь прописанным по адресу этого мира, — даже и тогда она не в состоянии укротить свой хватательный рефлекс, норовя урвать у жалкой овцы её последний бесполезный клок.

Который, впрочем, уже никому, в том числе и его недавнему обладателю, не нужен. У него теперь другие дела и заботы, очень далёкие от того, что волновало и заботило его при жизни, и эта последняя нелепая утрата его уже ничуть не потревожит…

Смерть отменяется!

Мэр итальянской деревушки Селлия отменил смерть.

Согласно изданному им указу, с 5 августа 2015 года его односельчанам запрещено умирать.

Мне нравится этот весёлый, дерзкий и абсолютно бессмысленный с практической точки зрения жест.

Вызов неизбежному и непреодолимому можно бросать по-разному. Чем меня всегда доставали классические трагедии — так это тем, с каким горделивым пафосом и с какой полнотой осознания высокого трагизма собственной миссии герои идут навстречу Року.

Проще надо быть, ребята! Ну, честное слово!

Трагедия приписывает Року и Смерти атрибут величия. Вступая в безнадёжное, заведомо обречённое на провал противоборство с безмерно превосходящими его обезличенными силами Судьбы, трагический герой в те несколько минут, что предшествуют его поражению и гибели становится равен своему чудовищному бездушному противнику, на краткий миг сам превращаясь в безмерное и бесконечное. Как сверхновая звезда, он ненадолго вспыхивает в невыносимо ярком световом всплеске, вкладывая в него всю силу и всю жажду бытия, доступную смертному существу, чтобы, перегорев в этом яростном вселенском порыве, перестать быть вообще.

На самом деле, величие — это ерунда. И земное, «материально выраженное» — проявляющееся в количестве заводов, газет, пароходов, фанатов, трупов, аллюзий (ингредиенты добавляются по вкусу). И чистое, онтологическое величие героев трагедии.

В смерти и судьбе нет ничего величественного. И то, и другое, технически говоря, всего лишь границы. Претензии на величие смешны и в государственных границах, и в границах бытийных. Ценностью и смыслом обладает то, что находится до — или после. А граница — это изматывающее стояние в очередях, прохождение таможни и множество прочих рутинных процедур.

Поэтому мэр итальянской деревни, в нескольких простых словах сумевший обозначить истинное значение этих путевых, таможенных хлопот, кажется мне сегодня много мудрее классиков трагедописания, чьи герои так гордо, так несгибаемо и так онтологично подходят … к дверям аэропорта, чтобы поставить свой багаж на ленту транспортёра…

Конец отеля

Санаторно-отельные будни всегда приводят меня в умиротворённо-катарсическое состояние, напоминая о бренности всего земного.

Отельные несколько дней — словно бы вся наша жизнь, прокрученная в ускоренной киносъёмке.

Рутина повседневного житейского копошения (на завтрак — на пляж — на обед — поваляться — на пляж — на ужин), перемежаемая нечастыми всплесками энергии и новизны (вылазки и экскурсии).

Одни и те же лица, которые постепенно становятся знакомыми — недолгие спутники, с которыми ты оказываешься связан общностью занятий и места пребывания. Время от времени какие-то из них исчезают. Не сразу обычно — не в первый момент — но понимаешь, что этого человека уже день-другой нигде не видел: его нет больше с нами. Иногда случается и самому присутствовать при чьём-то отъезде.

И чем дольше живёшь, тем больше в памяти таких — ушедших, тем больше новых, непривычных лиц вокруг.

И в какой-то момент со спокойным удовлетворением, слегка сдобренным светлой грустью, понимаешь, что постепенно приближается тот час, когда отбудет и твой самолёт...

Я как творец мироздания

Сегодня я очень долго не мог уснуть. Когда я наконец задремал, мне приснился очередной дурацкий сон.

Мне снилось, что я неподвижно лежу, заполняя собою весь мир. Возможно, этим миром и был я. Всецело погружённый в самосозерцание, я не задумывался о том, есть ли у меня границы.

Однако мой совершенный покой вдруг оказался нарушен: в неожиданно обозначившемся вокруг меня времени и пространстве я различил, что на моём теле копошится великое множество существ.

Они бегали, прыгали, топтались, кусались, ссорились, смеялись, свистели, пели и разговаривали, и от этого всего вокруг меня стоял невыносимый гам.

То ли это я, будучи слишком поглощён собой, в какой-то момент ненароком их создал, то ли они сами завелись от долгой неподвижности и избытка истекающей из меня энергии. Как бы то ни было, досаждали они невероятно.

«Надо, однако же, предпринять что-нибудь решительное. — подумалось мне. — Вместо того чтобы в нерушимом спокойствии созерцать самоё себя, я уже вынужден мыслить, что само по себе скверно. Если так и дальше пойдёт, неизвестно, чем это вообще может закончиться!»

Но едва только я сгрёб их всех в охапку, чтобы поскорее раздавить, как вавилонская разноголосица сменилась дружным испуганным воплем.

— Ладно, ладно! — пошёл я на попятный. — Так и быть, живите, странные букашки! Но если кто-нибудь из вас серьёзно нагрешит, тем самым прогневив меня, уж его-то я непременно раздавлю!

— Что такое грех??? — на разные голоса запищали они. — Мы не знаем!!!

— Ну, этого я и сам, положим, пока что хорошенько не знаю. — вынужден был признаться я, маскируя смущение суровостью тона. — Я поразмышляю об этом на досуге и сообщу вам через своих лицензированных агентов.

— А как мы отличим лицензированных от нелицензированных????? — в искреннем ребячьем ужасе продолжали пищать они. — Мы никогда ещё не видели ни одного агента!!!!!!!

— А ну цыц! — прикрикнул я, не особо рассчитывая на успех.

Как ни странно, все они вдруг разом замолчали.

— То-то же! — заявил я, ободрённый этой небольшой победой. — Сейчас я удалюсь для размышлений, а вы сидите тут тихо! («Насколько это для вас вообще возможно», — прибавил я ворчливо про себя).

Я-то уже понимал, что никогда и ни за что на свете не смогу погубить ни одно из этих странных созданий — и ни одно из тех других, которые могут появиться позже. И что покою моему отныне и навсегда пришёл конец.

Но лучше бы они пока об этом ничего не знали!..

Немного о счастье

Сегодня встретили молодую пару — юноша и девушка лет двадцати. Приветливые, симпатичные лица. Оба — в инвалидных креслах. Ехали по набережной, держась за руки, и улыбались.

Было видно, что они счастливы…

Пляшущие пчёлы

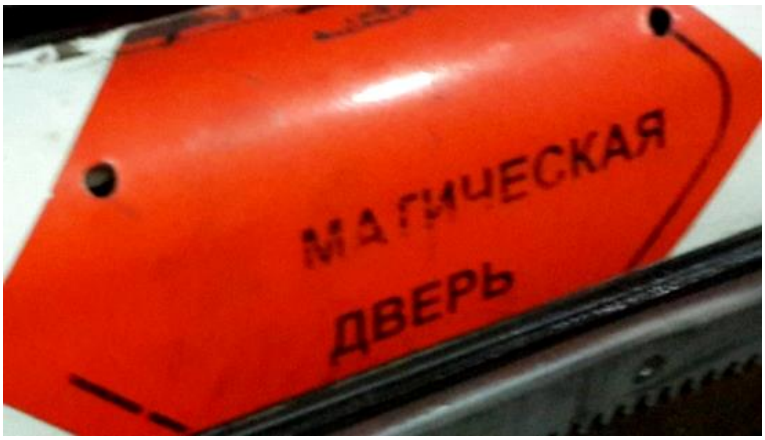
Под потолком троллейбуса водитель развесил цветных пластиковых птиц, бабочек и стрекоз на пружинках.

Во время движения они качаются подпрыгивают, машут крыльями. Особенно усердствует одна разбитная неуклюжая пчела, которая всё время ухитряется работать крыльями вразнобой, выделывая при этом уморительные фигуры любительского пилотажа.

И это очень весело. Особенно довольны дети:

— Вот, она машет крылышками! Вот, вот! Бабушка, здесь всё оживает!

Спасибо всем тем, кто умеет наполнять жизнь окружающих такими маленькими, такими бессмысленными — и такими нужными радостями!



Фродо повесится

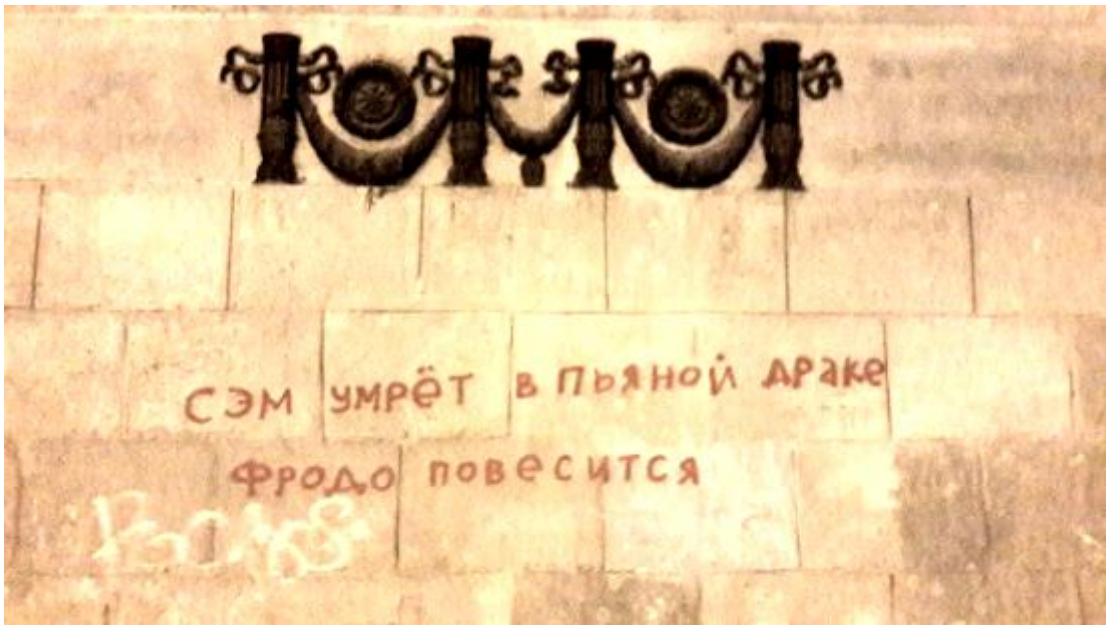
«Сэм умрёт в пьяной драке. Фродо повесится», – вывел кто-то на опоре моста.

Молодость не доверяет «милосердным» финалам, наподобие тех, что мы видим в «Гарри Поттере» или «Властелине колец».

Такие развязки кажутся ей фальшивыми, не соответствующими суровой и неприглядной правде жизни.

На самом же деле именно они чертовски правдивы, и некоторые из тех, что угодили в самый водоворот, потом – когда всё закончится – действительно будут счастливы до конца своих дней. А кто-то должен будет уйти, чтобы они были счастливы.

Со временем начинаешь понимать, что трагизм жизни не в иррациональной тяге человека к саморазрушению, которая изрядно преувеличена литературой, а, пожалуй, как раз в таких вот «ненатуральных», «милосердных» — и неизбежных её финалах.



Мимесис

Дизайнер, работавший над пышноцветными кладбищенскими розами из пластика, отличался мрачным юмором. Свои творения он уснастил множеством шипов. Колючки острые: стоит потерять бдительность и взяться за стебли покрепче — накалываешь пальцы, как если бы розы были настоящими.

Это, пожалуй, самое оригинальное и самое нелепое memento mori из тех, что мне доводилось видеть.

Нашатырь

Я шёл по перрону. Был тот неопределённый час между поздним вечером и ранней ночью, когда небо ещё подсвечено тусклым бледно-голубоватым неоновым светом, но на улицах уже зажигаются фонари. Впереди, держась за руки, бодро вышагивала ехавшая со мною в одном вагоне влюблённая пара.

А навстречу нам, бережно прорезая толпу пассажиров, двигалась машина скорой помощи.

Жизнь, в отличие от искусства, не знает банальности и не нуждается в остранении. Бесконечно повторяясь в одних и тех же формах, болезнь тем не менее остаётся болезнью, смерть — смертью, пошлость — пошлостью, а любовь — любовью.

Искусство подобно тряпице, на которую капнули нашатырным спиртом. Оно легко впитывает в себя резкий, отрезвляющий запах живого бытия, но не может его удержать. Эфирные вещества быстро выветриваются — и вот мы уже держим в руках какой-то странный, ни к чему не годный лоскуток.

И добро бы, пахло дорогим французским парфюмом, так нет же! Говорю вам: нашатырь, истинный нашатырь!

Художник прикладывает невероятные усилия, чтобы закрепить этот запах. Работа экзистенциального парфюмера требует адского мастерства и невероятной тонкости: чуть ошибся в ингредиентах — и все труды насмарку. При том каждый

раз эту работу приходится начинать с нуля: надёжных рецептов здесь нет; есть лишь почти невероятные удачи и озарения.

Живое бытие — самый сложный материал для творчества (я сейчас не про мимесис, друзья, — вовсе не про него).

Не без усилия преодолевая сопротивление могучей вокзальной двери, я думал, как тривиально и надуманно выглядела бы эта сцена со скорой в романе. И какой будничной и одновременно трагической простотой был наполнен этот эпизод в действительности, где болезнь всегда остаётся болезнью, смерть — смертью и любовь — любовью…

Сила оживлять

Они мертвы вдвойне — как всё изваянное из чугуна и как всякое воплощение абстрактной идеи. В их чашках вместо ароматного чая – ледяной осенний дождь.

И всё же, глядя на эти цветы, я понимаю, что любовь обладает великой силой оживлять неживое…

Сократ рыдает

В Ханты-Мансийске дождь.

На пальцах Платона, который, горделиво подбоченившись, стоит перед главным корпусом Югорского университета, набрякли капли воды. В ушах философа красуются прозрачные водяные клипсы.

Его учитель Сократ, восседающий рядом с хитроватой мужицкой усмешкой, сегодня, не скрываясь, рыдает в три ручья. Дождевые слёзы проложили длинные извилистые бороздки на его умном, выразительном лице.

Уезжать из этого грёбаного Омска к чёртовой матери!

Очередное утро очередного рабочего дня. Трясёмся в умеренно набитом автобусе по умеренно раздолбанным омским дорогам. Рядом держится за поручень мужчина примерно моих лет. Одет прилично, глаза умные, вид совершенно не маньяческий. Слышу: негромко, но с чувством цедит сквозь зубы: «Уезжать из этого грёбаного Омска к чёртовой матери! Уезжать из этого грёбаного Омска к чёртовой матери!!!»

Допекли, однако же, человека родные просторы!

Острова Омска

На днях мне снился сон по Фрейду.

Внимательно разглядывая карту, посреди Тихого океана, где-то на широте южного Китая, чуть севернее Филиппин, я неожиданно обнаружил надпись: «Острова Омска». И сразу что-то всколыхнулось в душе. Непременно летом выбраться туда! Наверно, дорого — но накопить деньги. Вопреки всем многоликим «сложно» и «невозможно» — непременно улететь в этот тропический рай. В конце концов, это просто долг чести. Острова Омска — как же не поехать?!

Проснувшись и всё ещё лелея в памяти образ уединённого кораллового атолла, я понял: виной всему промозглая, сумрачная, грязная, дождливая, холодная омская осень! В преддверии того неизбежного часа, когда разлезающийся, почерневший

труп земли покроет покойный снежный саван, так соблазнительно (хотя бы во сне) помечтать об Омске наоборот — солнечном, жарком и беззаботном…

А пока продолжим бодро месить грязь и шмыгать подтекающими носами!

Рано или поздно все мы встретимся на Островах Омска, иде же несть печали и воздыхания.

Уж это точно никуда от нас не уйдет …